

НОВИНКА
ОТ АВТОРА
«ШОПОГОЛИКА»

СОФИ
КИНСЕЛЛА

Софи Кинселла
Незванная гостья
Серия «Романы для хорошего
настроения. Софи Кинселла
(новое оформление)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68731272

*Незванная гостья:
ISBN 978-5-04-180070-3*

Аннотация

Родители Эффи развелись, разрушив ее воспоминания о счастливом детстве. Прошло два года, она отдалилась от отца и никак не может поладить с его новой молодой подружкой Кристой. Вдобавок Эффи узнает, что дом, в котором она провела почти всю свою жизнь, выставлен на продажу.

Криста устраивает прощальную вечеринку и не приглашает Эффи, но девушка решает воспользоваться моментом и забрать из дома кое-что важное, пока гости будут веселиться. Блуждая по коридорам семейного особняка, Эффи случайно подслушивает разговоры, становится свидетельницей откровений и теперь видит всю свою семью в новом свете. Тем же вечером она встречает своего бывшего возлюбленного Джо. Поэтому теперь Эффи

придется столкнуться лицом к лицу со своим прошлым, прежде чем она сможет заглянуть в будущее.

«Очаровательный роман, который доказывает, что любовь всегда побеждает». – Publishers Weekly

«Забавный, умный и очень занимательный роман, рассказывающий о браке, взрослении и семейных тайнах. Можно ли спасти семью, которая почти разрушена?» – Люси Даймонд

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	45
Глава 4	64
Глава 5	76
Глава 6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Софи Кинселла

Незванная гостья

Sophie Kinsella

PARTY CRASHER

Copyright © 2021 by Madhen Media Ltd

Фото автора © John Swannell

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается памяти Шэрон Пропсон

Глава 1

Я знаю, у меня получится, я *знаю*. Что бы там кто ни говорил. Это просто вопрос упорства.

– Эффи, послушай меня, ангел не будет держаться, – говорит моя старшая сестра Бин, подходя со стаканом глинтвейна. – Хоть ты тресни.

– Будет.

Я продолжаю наматывать бечевку вокруг любимого серебристого наконечника, не обращая внимания на иголки, колющие руки.

– Не будет. Брось! Он слишком тяжелый.

– Не брошу! – отвечаю я. – У нас всегда был ангел на макушке елки.

– А эта вдвое меньше обычной, – говорит Бин. – Или ты не заметила? Это не елка, а просто палка.

Я быстро окидываю взглядом деревце, стоящее, как обычно, в нише в холле. Разумеется, я заметила, что оно маленькое. Обычно у нас бывают огромные, пушистые экземпляры, а это какой-то доходяга. Но сейчас меня волнует другое.

– У меня *получится*.

Я эффектным движением затягиваю последний узел и отпускаю ветку – она ломается, и ангел с задранной юбкой и выставленными на обозрение панталонами пикирует вниз. Черт бы тебя побрал.

– А что, эффектный ракурс, – гогочет Бин. – Напишем ей на подштанниках «Счастливого Рождества»?

– *Ладно.* – Я отвязываю ангела и делаю шаг назад. – Укреплю ветку палочкой или еще как-нибудь.

– Просто найди другой наконечник! – в голосе Бин слышится веселье пополам с раздражением. – Эффи, почему ты всегда такая упертая?

– Я не упертая, а *упорная*.

– Не давай им спуска, Эффи! – вклинивается в разговор папа, проходя мимо со световой гирляндой. – Борись, упирайся и никогда не сдавайся!

У него блестят глаза, щеки порозовели, и я нежно улыбаюсь ему в ответ. Папа меня понимает. Такого стойкого человека, как он, еще поискать. Мама воспитывала его одна в крохотной квартирке в Лейтон-он-Си, и он ходил в школу, где приходилось выживать. Но он упорный – окончил колледж, а затем устроился в инвестиционную компанию. И теперь пожинает плоды: он на пенсии, отлично себя чувствует и всем в жизни доволен. Пасуя при первых трудностях, этого не добьешься.

Ну да, иногда его упорство переходит в иррациональное упрямство. Как, например, когда он категорически отказался сойти с дистанции во время десятикилометрового благотворительного забега, хотя хромал и, как выяснилось, порвал икроножную мышцу. Но, как он впоследствии заявил, свою лепту он внес, задачу выполнил и жить будет. Когда мы

были маленькие, папа всегда говорил «Жить будешь!», что порой веселило, порой ободряло, а порой было совершенно неуместно. (Иногда не хочется слышать про то, что жить будешь. Хочется смотреть на расквашенную коленку и рыдать и чтобы кто-нибудь нежно приговаривал: «А кто это у нас такая храбрая девочка?»)

Папа, очевидно, приложился к глинтвейну до моего прихода – ну и что, имеет право. На носу Рождество, *еще* у него день рождения, *а еще* мы украшаем дом. Наряжать елку в папин день рождения – это наша традиция. Даже сейчас, когда все выросли, мы каждый год приезжаем в «Зеленые дубы», наш семейный дом в Сассексе.

Когда папа исчезает на кухне, я подхожу к Бин и понижаю голос:

– А почему Мими в этом году купила такую маленькую елку?

– Не знаю, – после паузы говорит Бин. – Возможно, старается быть практичной? Мы же уже взрослые.

– Возможно, – говорю я, но такой ответ меня не устраивает.

Мими, наша мачеха, – натура художественная и творческая, с кучей причуд. Ей всегда нравилось украшать дом к Рождеству, ее принцип: чем больше, тем лучше. С чего вдруг она решила быть практичной? В следующем году я отправлюсь на рождественский шопинг вместе с ней и аккуратно напомним о том, что в «Зеленых дубах» всегда была

большая елка и менять эту традицию не стоит, пусть даже Бин сейчас тридцать три, Гасу – тридцать один, а мне – двадцать шесть.

– Наконец-то! – прерывает мои мысли Бин, бросая взгляд на телефон.

– Что?

– Гас. Только что прислал видео. Говорит, еле успел.

Примерно месяц назад папа сказал, что в этом году подарков ему не нужно. Можно подумать, нас это остановит. Но если честно, то джемперов, запонок и прочего добра у него действительно много, поэтому мы решили быть креативными. Бин с Гасом смонтировали видео, которое Гас только что доделал, а я подготовила свой сюрприз и жду не дождусь возможности показать его папе.

– Думаю, Гас был слишком занят с *Ромилли*, – говорю я, подмигивая Бин, которая скалитися в ответ.

Наш братец Гас недавно обзавелся потрясающей подружкой по имени Ромилли. Мы не *удивлены*, мы, разумеется, не *удивлены*, но... м-да. Дело в том, что это Гас. Он рассеянный. Расплывчатый. По-своему он красавчик и душка и классный программист. Но альфа-самцом его не назовешь. В то время как она – настоящий энерджайзер с идеальными волосами и в шикарных платьях на бретелях (я посмотрела ее фотки в Интернете).

– Хочу быстро глянуть видео, – говорит Бин. – Пойдем наверх.

Она первой идет по лестнице и добавляет:

– Ты упаковала папин подарок?

– Нет еще.

– Я привезла упаковочную бумагу и ленточку на случай, если тебе понадобится. И, кстати, заказала рождественскую корзинку для тети Джинни. Я потом скажу, сколько ты мне должна.

– Бин, ты – чудо, – признательно говорю я. Это действительно так. Она всегда думает на шаг вперед. У нее всегда все схвачено.

– И вот еще что. – Когда мы оказываемся на площадке, она запускает руку в сумку. – Давали три по цене двух.

Она вручает мне спрей с витамином D – я прикусываю губу, стараясь не рассмеяться. Бин превращается в маниакально одержимого сотрудника по безопасности и гигиене труда. В прошлом году она пичкала меня капсулами с рыбьим жиром, а до этого был зеленый чай матча.

– Бин, ну зачем ты покупаешь мне витамины! Спасибо, конечно, – запоздало говорю я.

Мы заходим в ее комнату, и я радостно осматриваюсь по сторонам. Сколько себя помню, здесь всегда было так – раскрашенная вручную мебель с Кроликом Питером появилась у нее в пять лет: две односпальные белые деревянные кровати, комод, платяной шкаф и туалетный столик. Все наше детство она собиралась обзавестись чем-нибудь покруче, но так и не смогла расстаться с Кроликом, так что он по-преж-

нему здесь. Для меня он так сильно ассоциируется с ней, что при виде Питера я всегда думаю про Бин.

– А ты не думала пригласить сегодня Доминика? – спрашивает она, открывая iPad, и меня окатывает теплом при звуке его имени.

– Нет, для «знакомства с семьей» еще слегка рановато. У нас было всего несколько свиданий.

– Но хороших?

– Да, хороших, – счастливо улыбаюсь я.

– Отлично. Итак, приступим...

Она ставит планшет на туалетный столик, и на экране появляются хитроумные заглавные титры – «Единственный и неповторимый... Тони Талбот!» Далее следует папина фотография из лейтоновской газеты, на ней ему одиннадцать лет, он выиграл конкурс по математике. Затем фотография с выпуска и свадебный снимок с нашей биологической мамой Элисон.

Я смотрю на ее миловидное лицо с большими глазами и, как всегда, глядя на ее фотографии, испытываю странное чувство отчужденности, а хотела бы ощущать больше связи. Мне было всего восемь месяцев, когда она умерла, и три года, когда папа женился на Мими. Это Мими баюкала меня, когда я болела, пекла пироги на кухне и всегда была рядом. Мими – моя мама. Бин и Гас – другое дело, у них есть смутные воспоминания об Элисон. А у меня есть только фамильное сходство, и его, прямо скажем, через край. Мы все по-

шли в нее – широколицые, скуластые, с широко расставленными глазами. У меня такой вид, точно я все время удивлена, а большие голубые глаза Бин всегда смотрят вопросительно. У Гаса, напротив, отсутствующий вид, точно он вообще ни на что не обращает внимания (и это на самом деле так).

На экране идет нарезка из старых домашних видео, и я наклоняюсь ближе к планшету. Вот папа держит на руках малышку Бин... а это семейный пикник... Папа строит замок из песка для карапуза Гаса... А эти кадры я уже видела: папа подходит к двери «Зеленых дубов» и театральным жестом открывает ее – в тот день дом стал нашим. Он часто говорит, что покупка такого дома – один из важнейших моментов его жизни. «Мальчонка из Лейтон-он-Си выбился в люди», как он выражается.

Потому что «Зеленые дубы» – это не просто старый дом. Он *потрясающий*. Он с характером. У него есть башенка! И витражное окно. Гости нередко называют его «эксцентричным» или «причудливым» или просто восклицают: «Ух ты!»

Да, конечно, встречаются и такие низкие, ничего не смыслящие душонки, которые называют его «уродливым», но их немного. Они *слепы* и *заблуждаются*. Когда я впервые услышала, как одна странная особа в деревенском магазине назвала «Зеленые дубы» «страхолюдством», я была потрясена до глубины души. Мое одиннадцатилетнее сердце закипело от негодования. Прежде я никогда не встречала архи-

текстурных снобов, я даже не подозревала об их существовании. Я пламенно и безраздельно любила свой дом – все то, что высмеивала эта незнакомая, подлая тетка. Начиная от так называемой «уродливой кирпичной кладки» – она во все *не* уродливая – и заканчивая курганом. Это такой самопроизвольно возникший в саду крутой холм, прилегающий к стороне дома. Тетка посмеялась и над ним, а мне хотелось крикнуть: «На нем отлично разводить костры, вот так-то!»

Но вместо этого я пошла из магазина, бросив возмущенный взгляд на хозяйку, миссис Макадам. К ее чести, она выглядела слегка шокированной и крикнула мне вслед:

– Эффи, дорогая, ты хотела что-то купить?

Но я не стала возвращаться и до сих пор не знаю, кем была та язвительная тетка.

С тех пор я внимательно наблюдаю за тем, как люди реагируют на «Зеленые дубы». Порой они с разинутыми ртами отступают назад и обозревают его, ища, что бы такого позитивного сказать. Я не говорю, что это – проверка характера, хотя на самом деле это и есть проверка характера. Тех, у кого для «Зеленых дубов» не находится ни одного доброго слова, я считаю гнусными снобами и игнорирую.

– Эффи, смотри, это ты! – восклицает Бин, когда на экране идут новые кадры. Я, совсем малышка, ковыляю по лужайке, держась за руку восьмилетней Бин.

– Ничего страшного, Эффи, – весело говорит она, когда я падаю. – Давай еще раз!

Мими всегда говорит, что Бин научила меня ходить. И ездить на велосипеде. И заплетать волосы.

Мрачный год смерти Элисон обойден стороной, отмечая про себя я. Это видео о счастливых временах. Что ж, почему нет? Не нужно напоминать папе о грустном. Он нашел счастье с Мими и своей жизнью доволен.

Слышится звонок – Бин на него не реагирует, а я насто-роженно поднимаю голову. Я жду рождественский подарок Мими. Я отдельно оговорила, что его нужно доставить сегодня, и не хочу, чтобы Мими ненароком его открыла.

– Бин, – говорю я, нажимая на паузу на экране планшета. – Сходишь со мной к воротам? Думаю, это доставили швей-ный стол для Мими, и я хочу пронести его тайком. Но он довольно большой.

– Конечно, – говорит Бин, закрывая видео. – Ну, как тебе?

– Потрясающе, – убежденно заявляю я. – Папе это *очень* понравится.

Мы спешим вниз по лестнице, а Мими накручивает гир-лянду на перила. Она поднимает глаза и улыбается нам, но ее лицо кажется слегка напряженным. Возможно, ей нужно отдохнуть.

– Я к воротам, – поспешно говорю я. – Вероятно, доставка.

– Спасибо, Эффи, дорогая, – по-ирландски мягко и на-певно произносит Мими.

На ней индийское платье с блочным принтом, а волосы перехвачены деревянной заколкой, раскрашенной вручную.

Она ловко завязывает узлом красную бархатную ленту, и, само собой, ничего не падает. Как обычно.

Мы с Бин идем по гравийной дорожке к большим кованым воротам, а в воздухе уже сгущается зимний сумрак. Снаружи припаркован белый фургон, и бритоголовый парень держит картонную коробку.

– Это не то, – говорю я. – Слишком маленькое.

– Доставка для приходского священника, – говорит парень, когда мы открываем калитку. – Там никого нет. Можно у вас оставить?

– Конечно, – говорит Бин, протягивая руку и собираясь поставить закорючку на планшете доставщика, но я ее останавливаю.

– погоди, не расписывайся. Я как-то расписалась за соседскую доставку, а внутри была стеклянная ваза, которая оказалась разбитой, и они не смогли оформить возврат, потому что подпись была моя, и они обвинили меня. – Я выдыхаюсь и замолкаю. – Сначала нужно проверить.

– Да все в порядке, – нетерпеливо говорит парень, и я напрягаюсь.

– Никогда не знаешь наверняка.

Я открываю коробку и достаю счет-фактуру.

– Скульптура «Йога», – читаю я. – Сборка включена. – Я с торжествующим видом смотрю на парня. – Получается, не все в порядке. Придется тебе ее собрать.

– Я ничего не собираю, – говорит парень, противно шмы-

гая носом.

– А придется, – замечаю я. – Так тут написано: «Сборка включена».

– Ну да, верно.

– Тогда собирай! – упорствую я. – Иначе мы не распишемся.

Парень злобно сверлит меня взглядом, потирает бритую голову, а затем говорит:

– Ну, ты и заноза в заднице. Тебе это уже говорили?

– Да, – отвечаю я, скрещивая руки. – Тысячу раз.

– Это верно, – кивает Бин, ухмыляясь. – Так что лучше собери. И что это за скульптура такая – «Йога»? – обращается она ко мне, а я пожимаю плечами.

– Схожу за инструментами, – говорит парень, теперь злобно глядя на нас обеих. – Но это полная хрень.

– Это называется гражданской сознательностью, – возражаю я.

Через минуту он возвращается с инструментами, и мы с любопытством наблюдаем за тем, как он, нетерпеливо фыркая, принимается скручивать железки в... Что же это такое? Вроде бы человек... нет, их двое, мужчина и женщина, и у них между собой такое взаимоотношение... чем это они занимаются?

Стоп.

О боже. В желудке возникает спазм, я смотрю на Бин, которая выглядит остолбеневшей. Выходит, «Йога» – это на са-

мом деле похабная секс-скульптура?

Дааа. Это так.

И я, скажу вам, в шоке. Эндрю и Джейн Мартин носят одинаковые стеганные жилеты. На празднике лета они выставляют георгины. Как они могли заказать *это*?

– А руку его куда клепать – ей на грудь или на задницу? – интересуется парень, глядя на нас. – В инструкции об этом не сказано.

– Ну, не знаю, – подаю голос я.

– О господи. – Бин отмирает, когда парень достает из коробки последнюю, самую выразительную часть мужского организма. – Нет! Не надо! погоди секунду, – вопит она парню и затем, повернувшись ко мне, переходит на возбужденный шепот: – Мы *не можем* отнести это Мартинам. Я потом не смогу смотреть им в глаза.

– Я тоже.

– Мы этого не видели. Да, Эффи? Мы этого *не* видели.

– Договорились, – пылко соглашаюсь я. – Э, прости, – я поворачиваюсь к парню. – Планы слегка поменялись. Как насчет того, чтобы скрутить все обратно и сложить в коробку?

– Издеваешься, да? – потрясенно спрашивает парень.

– Извини, – смиренно говорю я. – Мы не знали, что там.

– Прости за беспокойство, – поспешно добавляет Бин. – И счастливого Рождества! – Она достает из кармана джинсов скомканную десятку, что слегка успокаивает парня.

– Ну и бардак тут у вас, – говорит он, шустро раскручивая

все назад. — Сами не знаете, чего хотите. — Он с неодобрением смотрит на женскую фигуру. — По мне, так в этой позе надолго ее коленей не хватит. Тут подушка нужна, чтобы суставам мягче было.

Я смотрю на Бин и снова отвожу глаза.

— Хорошая мысль, — соглашаюсь я.

— Предусмотрительность превыше всего, — с дрожью в голосе добавляет Бин.

Парень кидает в коробку последнюю железку и, после того как Бин ставит закорючку на планшете, залезает к себе в фургон, а мы смотрим друг на друга.

— Коленей надолго не хватит, — говорит Бин, с трудом сдерживая себя.

— У Мартинов! — на грани истерики подхватываю я. — О господи, Бин, и как нам *теперь* с ними разговаривать?

Фургон наконец отъезжает, и мы обе заходимся в хохоте.

— Я заклею коробку скотчем, — говорит Бин. — Они даже не догадаются, что ее открывали.

Она нагибается, чтобы ее поднять, и тут я замечаю метрах в десяти поодаль фигуру, идущую в нашу сторону по деревенской дороге. Эту фигуру я узнаю из тысячи: темные волосы, сильный подбородок, широкая походка. Джо Марран. От одного его вида мой истерический смех прекращается. Сразу. Точно его никогда и не было.

— Что? — Бин замечает мое выражение лица и поворачивается. — Ох. *Охохонюшки*.

По мере его приближения сердце у меня начинает сжиматься. Это тиски питона. Я не могу дышать. Или могу? Да ну тебя, Эффи. Не дури. Конечно, ты можешь дышать. И не скончаешься на месте при виде бывшего бойфренда.

– Ты в порядке? – шепчет Бин.

– Конечно! – быстро говорю я.

– И правильно, – с сомнением в голосе произносит она. – Ну, тогда я отнесу коробку в дом, а вы тут... пообщайтесь.

Она исчезает в направлении двери, а я отступаю назад, к гравийной дорожке. На домашнюю территорию. Мне нужна опора и поддержка дома, «Зеленых дубов» и домочадцев.

– О, привет, – говорит Джо, подходя ближе. Его глаза непроницаемы. – Как дела?

– Хорошо. – Я небрежно пожимаю плечами. – А у тебя?

– Отлично.

Он упирается взглядом мне в шею – я инстинктивно беру рукой за бусы и клянусь себя. Вот что я творю? Нет бы его проигнорировать. *Что? Извини? Когда-то я носила на шее что-то, имеющее для нас особое значение? Прости, не припоминаю.*

– Славные бусы, – говорит он.

– Да, их Бин подарила, – небрежно отвечаю я. – Эта вещь особенная, сам понимаешь. Значимая. Я люблю их. Ношу не снимая.

Можно было бы ограничиться «их Бин подарила». Но я хочу обозначить свои позиции. И, судя по выражению лица

Джо, мне это удастся.

– Как дела на работе? – с чопорной вежливостью интересуется он.

– Хорошо, спасибо, – в тон ему отвечаю я. – Теперь в другом отделе, в основном занимаюсь организацией торговых мероприятий.

– Здорово.

– А ты? Все так же держишь курс на кардиохирургию?

Я намеренно выражаюсь обтекаемо, как будто не вполне уверена, на каком этапе своей медицинской карьеры он находится. Как будто это не я сидела с ним за учебниками до двух часов ночи.

– Таков план, – кивает он. – Попасть туда.

– Здорово.

Мы замолкаем. Джо привычно хмурит брови.

– А у тебя... – наконец начинает он, – есть кто-нибудь?

Этот вопрос – как соль на рану. Ему-то что за дело? С какой целью интересуется? *Моя личная жизнь тебя, Джо Марран, не касается*, хочу выпалить я. Но так я себя выдам. К тому же мне есть чем похвастаться.

– Ну да, вообще-то есть. – Я напускаю на себя мечтательный вид. – Он классный. Ну просто классный. Симпатичный, успешный, добрый, *надежный*... – многозначительно добавляю я.

– Хамф, что ли? – осторожно интересуется Джо, и я чувствую легкую досаду. Дался ему этот Хамф! Да, я три недели

гуляла с Хамфри Пелэм-Тейлором. Это был акт мести Джо – да, это было мелко, и я об этом сожалею. Он что, действительно думает, что мы с Хамфом могли быть парой?

– Нет, не Хамф, – с нарочитым терпением говорю я. – Его зовут Доминик. Он инженер. Мы познакомились онлайн, и у нас все просто замечательно. Мы идеально подходим друг другу. Ну, сам знаешь, как это *бывает*.

– Здорово, – говорит Джо после долгой паузы. – Это... Я рад.

Но вид у него нерадостный. Даже слегка страдальческий. Но это не моя проблема, твердо говорю себе я. И вряд ли он вообще страдает. Когда-то я считала, что знаю Джо Маррана, но я ошибалась.

– А у *тебя* есть кто-нибудь? – вежливо спрашиваю я.

– Нет, – сразу же отвечает Джо. – У меня... нет.

Мы снова замолкаем – Джо сутулится и засовывает руки в карманы пальто.

Разговор не клеится. Я несколько раз вдыхаю полной грудью морозный зимний воздух, и на меня накатывает печаль. Той ужасной ночью два с половиной года назад я не просто потеряла любовь всей своей жизни. Я потеряла друга, с которым мы с пяти лет были не разлей вода. Джо вырос здесь, его мама по-прежнему работает директором деревенской школы. Мы были товарищами по играм. Потом стали подростками. Вместе учились в университете. Планировали начать совместную жизнь.

А теперь... что? С трудом смотрим друг другу в глаза.

– Что ж, – наконец говорит Джо, – счастливого Рождества.

– И тебе. Счастливого Рождества.

Он уходит – я смотрю ему вслед, а затем поворачиваюсь и ковыляю по дорожке обратно к дому, где у входа маячит Бин.

– Ты в порядке, Эффи? – обеспокоенно спрашивает она. – Стоит тебе увидеть Джо, и ты становишься такой... ершистой.

– В порядке, – говорю я. – Пойдем в дом.

Я никогда не рассказывала Бин о той ночи. О некоторых вещах просто невозможно говорить – саднит. На самом деле я стараюсь об этом не думать, и точка.

Нужно сосредоточиться на здесь и сейчас, говорю я себе. На всем хорошем. Наряжаем елку. Рождество не за горами. Вся семья в сборе в «Зеленых дубах».

На душе становится легче, я следую за Бин в дом и плотно закрываю дверь. Каждый год я жду этого дня, и никто мне его не испортит. Тем более Джо Марран.

Час спустя мое настроение по-прежнему на подъеме, что, возможно, как-то связано с двумя бокалами глинтвейна, которые я осушила. Мы закончили наряжать елку и все вместе на кухне смотрим видео, которое Бин и Гас сделали для папы. Я уютно устроилась в плетеном кресле в углу, в голове приятный туман, я смотрю на себя, четырехлетнюю, в цвета-

стом платье со сборками, сшитом Мими. На экране летний день, я сижу на коврике на лужайке, разбираю матрешки и каждую осторожно показываю папе.

Я поворачиваюсь к отцу, желая понять, нравится ли ему, и он улыбается в ответ, поднимая бокал глинтвейна. Это типичный папин неотразимый жест. Моя лучшая подруга Тэми считает, что папе следовало стать актером, и я знаю, что она имеет в виду. Он видный и статный, и людей, естественно, тянет к нему.

– Эфелант, ты была прелестной малышкой, – с любовью говорит Бин.

Родные зовут меня Эффи, а еще «Эфелантом» – так я в детстве произносила слово «элефант», то есть слон. Полным именем, Юфимия, меня, слава богу, никто не называет – впрочем, и Бин никто не называет Беатрис, как и Гаса – Августом.

– Изрослась, куда все подевалось, – добавляет Гас, на что я реагирую рассеянным «ха-ха», не отрывая глаз от экрана. Я как замороженная смотрю на новенькие матрешки, которые только что достали из коробки. Они со мной до сих пор – пять расписанных вручную деревянных куколок, которые вкладываются друг в друга, с лучистыми нарисованными глазами, румяными щечками и безмятежными улыбками. Сейчас на них сколы и следы от фломастера, но все равно они – самый дорогой сувенир из моего детства.

У других детей были мишки, а у меня – мои матрешки. Я

разбирала их, ставила в ряд, заставляла вести между собой «беседы» и разговаривала с ними сама. Иногда они представляли нашу семью: две побольше были за родителей, а три поменьше – за детей, и самой маленькой была я. Иногда они представляли меня в разных видах. Или я давала им имена школьных приятелей и разыгрывала ссоры дня. Но чаще всего они были просто своеобразными четками. Я почти машинально собирала и разбирала их, и этот привычный ритуал давал мне утешение. Я и сейчас это делаю. Они по сей день стоят возле моей кровати, и я иногда берусь за них, когда испытываю стресс.

– Ах, какое у тебя *платыце*, – говорит Бин, глядя в экран. – Хочу такое же!

– Ну так сшей, – говорит Мими. – У меня сохранилась выкройка. Была и во взрослом варианте.

– Правда? – Лицо Бин озаряется. – Я *обязательно* сошью себе такое.

И снова я восхищаюсь тем, как Бин переняла у Мими способность к творчеству. Они и шьют, и вяжут, и пекут. Они способны превратить пространство в нечто волшебное – тут бросят бархатную подушку, там поставят вазочку с овсяным печеньем. Бин занимается маркетингом и работает дома, у нее даже кабинет красивый – кругом висят растения и художественные плакаты.

Я покупаю подушки и овсяное печенье. Я даже пробовала повесить растения. Но так все равно не получается. Нет

у меня этой жилки. Зато есть другие таланты. По крайней мере, я так думаю. (Быть упрямой занозой в заднице – это талант? Потому что это, похоже, у меня получается лучше всего.)

Наша кухня – яркий пример творческой натуры Мими, с теплотой думаю я, оглядываясь по сторонам. Это не просто кухня, а галерея. Произведение искусства. Каждый шкафчик – это уголок запутанного леса, нарисованного маркером и разраставшегося на протяжении лет. Все началось с крошечной мышки, которую Мими нарисовала, чтобы подбодрить меня, когда года в три я разбила себе коленку. Она изобразила в уголке шкафчика мышку, подмигнула мне и сказала:

– Не говори папе.

Я в восхищении смотрела на мышку, не в силах поверить, что Мими нарисовала нечто столь удивительное, и где – *на мебели*.

Несколько недель спустя Гас расстроился из-за чего-то, и она нарисовала ему забавного лягушонка. Потом из года в год она добавляла рисунок за рисунком, создавая замысловатые лесные картинки. Деревья появлялись в дни рождения, животные – на Рождество. Она разрешала нам вносить собственный небольшой вклад. Мы рисовали, затаив дыхание, чувствуя свою значимость. Бабочка... червячок... облако.

Дверцы шкафчиков уже довольно плотно зарисованы, но Мими и сейчас время от времени втискивает новые детали. В деревне про нашу кухню знают, и это первое, что хотят

увидеть друзья, когда приходят к нам.

– Такой кухни *ни у кого* больше нет!

Я помню, как ахнула Тэми, впервые увидев ее – ей тогда было одиннадцать, – и я, распираемая гордостью, сразу же ответила:

– Ни у кого больше нет Мими.

Сейчас на экране кадры с папой на разных вечеринках, которых за все эти годы у нас было много, и меня охватывает ностальгия, когда я вижу папу, переодетого Санта-Клаусом, – тогда мне исполнилось восемь... Папа и Мими при полном параде танцуют на восемнадцатилетие Бин... Сколько их было – счастливых семейных праздников.

На экране появляется заключительный титр «С днем рождения, Тони Талбот!», и мы все бурно аплодируем.

– Вот это да! Дети!

Папа с улыбкой обводит взглядом кухню и, судя по всему, растроган до глубины души. Ему не чужда сентиментальность, и сейчас его глаза увлажняются.

– Я просто не знаю, что сказать. Это невероятный подарок. Бин, Гас, Эффи... Спасибо.

– Это не от меня, – поспешно говорю я. – Это от Бин и Гаса. А я сделала для тебя... это.

С внезапным смущением я вручаю ему свой подарок, завернутый в бумагу Бин. Затаив дыхание, я наблюдаю за тем, как он разворачивает большой альбом и читает название.

– «Мальчонка из Лейтон-он-Си». – Он вопросительно

смотрит на меня, а затем начинает листать страницы. – О... боже мой.

Это что-то типа скрэбука, посвященного Лейтон-он-Си времен папиного детства, со старыми фотографиями, открытками, картами и газетными вырезками. Работая над ним, я так вошла во вкус, что теперь могла бы написать диссертацию об этом городке.

– Зал игровых автоматов! – восклицает папа, перелистывая страницы. – «Роза и Корона»! Школа Святого Кристофера... как бежит время...

Наконец он поднимает глаза, на его лице – гамма чувств.

– Эффи, дорогая моя, это чудесно. Я так тронут.

– Это не художественное творение, – говорю я, внезапно осознавая, что я просто наклеила вырезки, тогда как у Бин, вероятно, получилось бы что-то супертворческое. Но Мими похлопывает меня по руке.

– Не стоит себя недооценивать, Эффи, дорогая. Это художественно. Это произведение искусства. Исполненное истории. Исполненное любви.

У нее тоже блестят глаза, и это удивительно. Я привыкла к сентиментальности папы, но Мими вообще-то не плакса. Однако сегодня она определенно выглядит слегка размякшей. Я вижу, как она дрожащей рукой берет бокал глинтвейна и смотрит на папу, а он бросает многозначительный взгляд в ответ.

Все это как-то странно. Что-то не так. Я только что обра-

тила внимание на эти сигналы. Что происходит?

Потом до меня вдруг доходит. Они что-то затевают. *Тогда* понятно. Папа и Мими из тех родителей, которые шушукаются друг с другом, а потом выдают готовые заявления, начинать с расплывчатых намеков – это не их стиль. У них есть план, и они собираются посвятить нас в него, и для обоих это волнительно. Так, и что это? Они же не собираются усыновить ребенка? Это вряд ли. Нет. Конечно, нет. Но тогда что? Я вижу, как папа закрывает альбом, еще раз смотрит на Мими, а потом обращается к нам.

– Итак, дети. Мы вообще-то... – Он откашливается. – У нас есть новости.

Так я и знала!

Я делаю глоток глинтвейна и жду, пока Гас положит телефон и поднимет глаза. Следует долгая странная пауза, и я неуверенно смотрю на Мими. Она так стиснула руки, что побелели костяшки пальцев, и я впервые ощущаю легкое беспокойство. Что происходит?

Наносекундой позже мне приходит на ум самый очевидный и ужасающий ответ.

– С вами все в порядке? – в панике выпаливаю я, уже представляя себе приемную больницы, капельницы и добрых врачей со скорбным выражением на лицах.

– Да! – сразу говорит папа. – Дорогая, пожалуйста, не волнуйся, мы оба в порядке. Мы оба отлично себя чувствуем. Это не... то.

Я в замешательстве смотрю на брата и сестру, которые сидят оцепенев. У Бин встревоженный вид, Гас вперил хмурый взгляд себе в колени.

– Так вот, – тяжело выдыхает папа. – Нам нужно вам сказать, что... мы приняли решение.

Глава 2

Полтора года спустя

Опыт внетелесных переживаний у меня был три раза в жизни. Первый раз – когда родители сказали нам, что разводятся, бум, ни с того ни с сего и, насколько я могу судить, без уважительной причины.

Второй раз – когда папа объявил, что у него новая подруга по имени Криста, менеджер по продажам спортивной одежды, с которой он познакомился в баре.

А третий происходит прямо сейчас.

– Ты слышала? – доносится до меня встревоженный голос Бин. – Эффи? «Зеленые дубы» проданы.

– Да, – странно хриплым голосом отвечаю я. – Я тебя слышала.

Ощущение такое, что я парю высоко и смотрю вниз на саму себя. Я, в униформе официантки, прислонилась к передней стене дома номер 4 по Грейт-Гровнер-Плейс, Мейфэр, и, закрыв глаза, отворачиваюсь от яркого солнечного света.

Проданы. *Проданы*. «Зеленые дубы». Ушли на сторону.

Они уже год как были выставлены на продажу. Я почти поверила, что они вечно будут продаваться, надежно заныканные на онлайн-портале недвижимости Rightmove. И не *уйдут на сторону*.

– Эффи? Эфелант? Ты в порядке?

Голос Бин проникает в мои мысли, и я возвращаюсь к реальности. Я снова в своем теле. Стою на тротуаре, где мне вообще-то не место. Кейтеринг «Сальса Верде» не одобряет, когда обслуживающий персонал прерывается на телефонные разговоры. Или для похода в туалет. Вообще прерывается, с любыми целями.

– Да. Конечно! Конечно, я в порядке. – Я выпрямляю спину и резко выдыхаю. – Бог мой, это всего лишь дом. Ничего страшного.

– Это как посмотреть. Мы в нем выросли. Понятно, что это расстраивает.

Расстраивает? Кто сказал, что я расстроена?

– Бин, меня время поджигает, – быстро говорю я. – Я на работе. Дом продан, как ни крути. Пусть делают что хотят. Уверена, Криста уже подыскала себе в Португалии роскошную виллу со встроенным сейфом для своих побрякушек. Как, говоришь, она их называет – *цацки*?

Я сквозь эфир чувствую, как морщится Бин. Мы с ней по-разному смотрим на многие вещи – от бюстгальтеров на косточках до заварного крема, но прежде всего на тему Кристи. Бин считает ее *милашкой*. Ей бы быть дипломатом. Она ищет в Кристе хорошее. А я просто на нее смотрю.

Мой мозг автоматически вызывает образ папиной подруги: светлые волосы, белые зубы, искусственный загар, надоедливая такса. Когда мы только познакомились, я была поражена. Она оказалась такой молодой. Такой... другой. Я

уже была сражена самим фактом того, что у папы есть подруга. А потом мы с ней познакомились.

Я пыталась проникнуться к ней симпатией. Или, по крайней мере, быть вежливой. Я в самом деле пыталась. Но это невозможно. Поэтому я, скажем так... пошла другим путем.

– Ты видела их сегодняшнюю фотку?

Я не могу отказать себе в удовольствии позлословить, и Бин вздыхает.

– Я уже говорила тебе, что не смотрю.

– А ты посмотри! – говорю я. – Потрясающая фотка, на которой папа и Криста в ванне с пеной держат бокалы шампанского. Хештег «сексзашестьдесят». Правда прелесть? Потому что я ломала себе голову, есть ли у папы секс, и теперь я это знаю наверняка. И это хорошо. Иметь подтверждение. Но ведь Кристе слегка за сорок? Ей ведь тоже полагается хештег. И да, он определенно снова побывал в солярии.

– Я не смотрю, – спокойным, решительным тоном повторяет Бин. – Но я разговаривала с Кристой. Судя по всему, планируется вечеринка.

– *Вечеринка?*

– Прощальная. Задумана с размахом – смокинги, кейтеринг и все дела.

– Смокинги? – Я не верю своим ушам. – И чья это идея – Кристи? – Я думала, она собирается раскошелиться на виллу, а не на пафосную вечеринку. – И когда это будет?

– В этом вся фишка, – говорит Бин. – По-видимому, во-

прос вентилируется уже какое-то время, только папа молчал, чтобы не сорвалось. Так что у них все на мази. Переезд запланирован на среду, а вечеринка будет в субботу.

– На среду? – Я чувствую внезапное опустошение. – Но это же... Это...

Скоро. Слишком скоро.

Я снова закрываю глаза – новости рикошетят сквозь меня, отдаются во мне болезненными ударами и уколами. Мозг снова переносит меня в тот день, когда наш мир изменился навсегда. Мы сидели на кухне счастливые и разморенные, пили глинтвейн и знать не знали о том, какой бомбой нас вот-вот накроет.

Разумеется, оглядываясь назад, я вижу, что приметы были. Стиснутые руки Мими. Влажные глаза отца. Осторожные взгляды, которые они бросали друг на друга. Даже елка-доходяга сейчас представляется чем-то символичным.

Но ведь при виде тщедушной елки вам автоматически не приходит на ум: *Погодите... что-то елка маловата... родители как пить дать разведятся!* Я вообще ничего не подозревала. Все говорят: «Вы должны были о *чем-то* догадываться». Но я, честное слово, ни о чем не догадывалась.

Даже сейчас порой после пробуждения я переживаю блаженные мгновения, как вдруг, уух, все вспоминаю. Мими и папа развелись. Папа встречается с Кристой. Мими живет в квартире в Хаммерсмите. Прежняя жизнь закончилась.

Далее, конечно же, в голову начинают лезть катастрофи-

ческие подробности моей собственной жизни. Мало того что родители расстались и наша семья почти распалась. Я веду нескончаемую войну с Кристой. Я больше не общаюсь с папой. Четыре месяца назад меня уволили. Жизнь повернулась ко мне *задом*. Я словно в тумане. Иногда у меня такое ощущение, словно кто-то умер, только поминок и цветов не было.

И после Доминика, который оказался насквозь двуличным, настоящего бойфренда у меня нет. (На самом деле, если считать «лицом» каждую девку, с которой он тайком чпоклся, его можно назвать пятиличным, и я поверить не могу, что подписала за него все рождественские открытки, потому что он сказал, что у меня красивый почерк. Дура я наивная, вот кто.)

– Понимаю, все происходит быстрыми темпами, – извиняющимся тоном говорит Бин, как будто это ее вина. – Не знаю, что будет с мебелью, думаю, ее поставят на хранение до лучших времен. В любом случае я свои вещи заберу. Папа с Кристой пока намерены снимать жилье. Криста сказала, что сегодня разошлет приглашения по электронной почте, и вот... я хотела тебя предупредить.

Все происходит настолько стремительно, думаю я, что дух захватывает. Развод. Подружка. Продажа дома. А теперь еще *вечеринка*. Я пытаюсь представить, что это будет за вечеринка в «Зеленых дубах» без Мими в роли хозяйки, и не могу.

– Я вряд ли пойду, – с ходу говорю я.

– Не пойдешь? – встревоженно спрашивает Бин.

– Настроения нет, – как можно небрежнее говорю я. – И, кажется, вечер субботы у меня занят. Что ж, хорошо тебе повеселиться. Передай всем привет от меня.

– Эффи!

– Что? – говорю я, изображая непонимание.

– Я считаю, что тебе следует пойти. Это будет последняя вечеринка в «Зеленых дубах». Мы все там будем. Это наша возможность попрощаться с домом... почувствовать себя семьей...

– Это больше не наш дом, – без обиняков говорю я. – Криста все испортила своей «стильной» покраской. И мы больше не семья.

– Нет, семья! – потрясенно возражает Бин. – Конечно, мы семья! Как ты можешь такое говорить!

– Ладно, как скажешь.

Я мрачно смотрю себе под ноги. Что бы там Бин ни говорила, но это правда. Наша семья уничтожена. Разбилась вдребезги. И никому не под силу собрать нас вместе.

– Когда ты в последний раз разговаривала с папой?

– Не помню, – лгу я. – Он занят, я занята...

– Но ты с ним поговорила как следует? – обеспокоенно спрашивает Бин. – Вы во всем разобрались, после того...

После того вечера, когда я наорала на Кристу и в ярости выскочила из дома – это имеется в виду. Только она слишком тактична, чтобы так формулировать.

– Конечно, – снова лгу я, потому что не хочу, чтобы Бин огорчалась из-за наших с папой отношений.

– Я не могу до него дозвониться, – говорит она. – Все время отвечает Криста.

– Ага.

Я стараюсь, чтобы в моем голосе звучало как можно меньше заинтересованности, потому что единственный способ справиться с ситуацией с папой – это отстраниться от нее. Особенно это касается Бин, которая имеет манеру вносить разлад в мою душу именно тогда, когда я считаю, что все улеглось.

– Эффи, приходи на вечеринку, – снова подступает с угрозами она. – Не думай о Кристе. Подумай о нас.

Сестра такая рассудительная. Она способна взглянуть на ситуацию чужими глазами. В ее лексиконе выражения типа «с другой стороны», «твои доводы действительно веские» и «я понимаю, чем ты руководишься». Пожалуй, мне следует попробовать быть рассудительной, как она, в приступе самокритики думаю я. Или, по крайней мере, попробовать *высказаться* рассудительно.

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и говорю:

– Я понимаю, чем ты руководишься, Бин. Твои доводы действительно веские. Я подумаю об этом.

– Вот и хорошо, – в голосе Бин слышится облегчение. – Потому что иначе «Зеленые дубы» исчезнут навсегда, и будет слишком поздно.

«Зеленые дубы» исчезнут навсегда.

Ладно, сейчас я не в состоянии обдумать эту мысль. Разговор пора заканчивать.

– Бин, мне пора, – говорю я. – Потому что я на работе. *Временно* тружусь на ответственном посту официантки. Потом поговорим. Пока.

Когда я пробираюсь обратно в огромную мраморную кухню, в ней стоит гул голосов обслуживающего персонала. Флорист выгружает цветы, повсюду большие ведра со льдом, парень, которого называют хаус-менеджером обсуждает сервировку с Дамианом, владельцем «Сальса Верде».

Организовывать такой большой шикарный ланч – это все равно что ставить спектакль, и я, наблюдая за работой поваров, чувствую себя более оптимистично. Мне просто нужно работать и состоять при деле. Да. Это и есть ответ.

Когда я лишилась работы по организации мероприятий, это было большое потрясение. (И дело не в том, что я косячила. Но даже если так, то, по крайней мере, косячила не я одна, потому что турнули весь отдел.) Но я изо всех сил стараюсь быть позитивной. Каждый день я нахожу новые вакансии, а работа официанткой поддерживает меня в финансовом плане. Никогда не знаешь, какой вариант выстрелит. Может быть, «Сальса Верде» станет моим спасательным кругом, думаю я, оглядываясь по сторонам. Может быть, так я снова вернусь к организации мероприятий. Кто знает, что

может случиться?

Поток моих мыслей останавливается, когда я замечаю, что флорист, приятного вида седовласая дама, явно зашла в тупик. Заметив мой взгляд, она тут же говорит:

— Будь добра, помоги, а? Перенеси это в холл, пожалуйста. — Она мотает головой в сторону огромной композиции из белых роз на металлической подставке. — Мне нужно спасти пионы, а это загромождает место.

— Конечно, — говорю я и берусь за подставку.

— И зачем тебе это? — говорит Эллиот, один из поваров, когда я волоку композицию мимо него, и я ухмыляюсь в ответ. Он высокий и загорелый, с голубыми глазами и спортивной фигурой. Мы уже немного болтали раньше, и я на глаз прикинула его бицепсы.

— Я знаю, что ты любишь белые розы, — с кокетливой улыбкой отвечаю я.

Может, достать ему один цветок или это будет слишком? Да. Слишком. А еще — кража.

— Эй, ты в порядке? — чуть тише спрашивает он. — Я видел тебя на улице, и ты казалась напряженной.

У него такое открытое лицо, такая искренняя озабоченность в глазах, что я сразу проникаюсь к нему доверием. Слегка.

— О, я в порядке, спасибо. Я только что узнала, что наш семейный дом продан. Мои родители расстались полтора года назад, — поясняю я, потому что у него непонимающий вид. —

То есть я *пережила* это. Очевидно. Но тем не менее.

– Понимаю, – сочувственно кивает он. – Обидно.

– Да, – киваю в ответ я, испытывая признательность за понимание. – Вот именно! Обидно. Вопрос – *почему*? Потому что все это случилось как снег на голову. У нас была *счастливая* семья, понимаешь? Все говорили: «Вау! Посмотрите на Талботов! Вот счастливые люди! В чем их секрет?» И вдруг мои родители заявляют: «Знаете что, детки, мы расстаемся». Оказывается, в *этом* был их секрет. И я до сих пор... ну, ты знаешь. Не понимаю, – тише договариваю я.

– Ясно. Это... – Эллиот, похоже, сбит в толку. – Хотя хорошо, что они дождались, пока вы выросли, верно?

Все так говорят. И на это бессмысленно возражать. Какой смысл говорить: *Ну как вы не понимаете? Сейчас я оглядываюсь на свое детство и задаюсь вопросом, а вдруг все это было ненастоящим?*

– Ты прав! – Откуда-то вдруг у меня появляется бодрый тон. – Нет худа без добра. А твои родители все еще вместе?

– Да вообще-то.

– Здорово, – радостно улыбаюсь я. – Действительно здорово. Трогательно. Но все может закончиться, – добавляю я, потому что лучше ему быть начеку.

– Верно. – Эллиот мнется. – Я имею в виду, что у них, кажется, все прочно...

– У них все *кажется* прочным, – торжествующе говорю я, потому что он сам ухватил суть проблемы. – Именно! У них

все *кажется* прочным. И вдруг – бабах! Они разъезжаются, и у папы новая подружка по имени Криста. На случай если такое случится, я рядом.

Заранее сочувствуя, я похлопываю его по руке.

– Спасибо, – говорит Эллиот несколько странным голосом. – Я учту.

– Нет проблем. – Я снова одариваю его самой теплой улыбкой. – Пойду отнесу цветы.

Транспортируя цветочную композицию вверх по лестнице в холл, я ощущаю внутри легкое тепло. Он славный! И, кажется, проявляет интерес. Приглашу-ка я его выпить. Как бы невзначай. Но в то же время обозначаю свои намерения. Какую формулировку используют в объявлениях о знакомстве? *Для приятного времяпрепровождения и более*.

О, привет, Эллиот, я тут подумала, может, сходим в паб для приятного времяпрепровождения и более?

Нет. Вообще не катит.

В любом случае, когда я возвращаюсь на кухню, сразу становится ясно, что момент не тот. Запарка больше обычного, и уровень стресса за время моего отсутствия стал на порядок выше. Дамиан ругается с хаус-менеджером, а Эллиот пытается вставлять комментарии, одновременно выдавливая сливки на шоколадный десерт. Я восхищаюсь его мужеством. Дамиан даже в хорошем настроении внушает трепет, чего уж говорить, когда он в ярости. (Рассказывают, что один повар спрятался в холодильнике, лишь бы не столкнуться с Дами-

аном, хотя это, конечно, неправда.)

– Эй, ты! – рывкает другой повар, стоящий у огромной кастрюли с гороховым супом. – Помешай-ка минутку.

Он передает мне деревянную ложку и присоединяется к дискуссии.

Я нервно смотрю на бледно-зеленую жидкость. Суп – выше моей компетенции. Надеюсь, я не накосячу. Хотя как можно испортить суп помешиванием? Никак. Конечно, я справлюсь.

Я кругами вожу ложкой, и тут пищит телефон. Я неловко вытаскиваю его из кармана, а другой рукой продолжаю мешать. Это сообщение от Мими – как только я вижу ее имя, у меня в ушах сразу звучит ее певучий ирландский акцент. Я открываю сообщение и читаю:

Дорогая, я только что узнала о доме. Это должно было случиться. Я надеюсь, ты в порядке. У тебя нежное сердечко, Эфелант, и я думаю о тебе. Сегодня во время уборки нашла эту фотографию – помнишь тот день?

Скоро увидимся, моя дорогая.

Целую, Мими.

Я нажимаю на прикрепленное фото, и тут же на меня обрушиваются воспоминания. Это мой шестой день рождения, и Мими превратила весь дом в цирк. В огромной гостиной со сводчатым потолком она поставила шатер, надула миллион воздушных шаров и даже научилась жонглировать.

На фото я в балетной пачке стою на старой лошадке-ка-

чалке. Хвостики у меня на голове растрепались, и я выгляжу самой счастливой шестилеткой в мире. Папа и Мими стоят по обе стороны от меня, держат за руки и улыбаются друг другу. Двое любящих родителей.

Я сглатываю ком в горле и увеличиваю масштаб, по очереди вглядываясь в их молодые оживленные лица, точно я детектив, ищущий улики. Лицо Мими, обращенное к папе, сияет улыбкой. Он так же нежно улыбается ей. Я смотрю на снимок, и живот будто сводит тисками. Что пошло не так? Они были счастливы, они были...

– Эй!

Чей-то голос врывается в мои мысли. Громкий, сердитый. Я вскидываю голову, вижу, что на меня надвигается Дамиан, и сердце уходит в пятки. Нет. Не-ет. Вот фигня. Я бросаю телефон на рабочий стол и принимаюсь энергично мешать суп, надеясь, что его «Эй!» было адресовано кому-то другому, но он внезапно оказывается в шаге от меня и буровит сердитым взглядом.

– Ты, как тебя там. Что с лицом? У тебя лихорадка?

В замешательстве я подношу руку к лицу. Оно мокрое. Почему оно мокрое?

– Погоди-ка. – Он подходит ближе, в ужасе глядя на меня. – Ты реवेशь?

– Нет! – Я поспешно вытираю лицо и изображаю бодрую улыбку. – Господи, нет! Конечно, нет!

– Хорошо, – его голос звучит зловеще вежливо. – Потому

что если ты...

– Нет! – с излишней горячностью говорю я, и в этот самый момент огромная капля шлепается на зеленую поверхность супа. От ужаса в животе возникает спазм. Откуда она взялась?

– Ты реवेशь! – взрывается он. – В этом долбаном супе твои долбанные слезы!

– Нет! – отчаянно говорю я, и тут еще одна слеза шмякается в кастрюлю. – Я в порядке!

У меня вырывается всхлип, и, к моему ужасу, в суп отправляется очередная огромная капля.

О боже, кто бы мог подумать, что все это – из моих глаз? Дрожа, я поднимаю голову, наталкиваюсь на взгляд Дамиана, и тут меня начинает колотить по полной программе. Судя по наступившей тишине, все на кухне смотрят на нас.

– Вон! – вырывается у него. – Вон! Чтобы духу твоего здесь не было!

– Вон? – с запинкой переспрашиваю я.

– Слезы в долбаном супе. – Он с отвращением мотает головой. – Убирайся!

Я сглатываю несколько раз, прикидывая, существует ли способ исправить ситуацию, и прихожу к мысли, что его нет.

– За работу! – неожиданно орет Дамиан остальным, и на кухне снова начинается лихорадочная активность.

Я в легкой прострации снимаю фартук и направляюсь к двери, а все старательно избегают моего взгляда.

– Пока, – бормочу я. – Всем пока.

Проходя мимо Эллиота, я хочу затормозить, но сейчас я слишком потрясена, чтобы беззаботным тоном озвучить приглашение.

– Пока, – говорю я, обращаясь к полу.

– погоди минутку, Эффи, – низким голосом говорит он. – Я сейчас.

Пока он моет и вытирает руки, а потом подходит ко мне, в моей душе разгорается пламя надежды. Вдруг он пригласит меня на свидание, мы полюбим друг друга и это будет наша прелестная история о том, как все начиналось...

– Да? – говорю я, когда он подходит.

– Просто я хотел спросить тебя кое о чем, пока ты не ушла, – говорит он тише. – Ты с кем-нибудь встречаешься?

О боже! Это происходит!

– Нет, – как можно небрежнее говорю я. – Нет, я ни с кем не встречаюсь.

– А надо бы. – Он окидывает меня сочувственным взглядом. – Потому что мне кажется, что *на самом деле* ты еще не пережила развод своих родителей.

Глава 3

Когда я прихожу домой, в душе по-прежнему саднит. Я *пережила* развод родителей. Конечно, пережила. Можно ведь «пережить» и по-прежнему обсуждать это, разве нет?

И я не ревела. Теперь, оглядываясь назад, я в этом уверена. Мои глаза слезились из-за *суна*. Все дело в нем.

Я с мрачным видом толкаю дверь в квартиру и обнаруживаю Тэми сидящей на полу перед ноутбуком – косы падают ей на плечи.

– Привет, – говорит она, поднимая глаза. – Почему ты дома?

– Закончили раньше, – говорю я, не желая вдаваться в подробности. (На самом деле все не так плохо, как я думала. В агентстве довольно спокойно отреагировали на то, что Дамиан меня выставил за дверь. Говорят, с ним такое постоянно случается, и меня неделю не будут направлять к нему. Затем они поставили меня на десять корпоративных ланчей.)

– Тогда ладно, – ведется на мои слова Тэми. – Я зашла на Rightmove. Здесь сказано «Продан». Выглядит изумительно, – добавляет она.

Ранее я отправила Тэми эсэмэс о том, что «Зеленые дубы» проданы. Недвижимость – ее конек, поэтому я знала, что ей будет интересно. Кроме того, она провела много времени в нашем доме во время школьных каникул, так что для нее это

еще и личный вопрос.

– «Посетители этой викторианской готической усадьбы на краю прелестной деревеньки Натворт в Западном Сассексе будут поражены грандиозностью ее импозантного входа», – читает она. – Да! Верно! Помню, когда я в первый раз осталась у тебя, я подумала: «Ё-моё, и это здесь живет Эффи?» «Арочные окна с каменными средниками великолепно пропускают свет». И холод, – добавляет она. – Тут следует уточнить: «Благодаря окнам по дому гуляют сквозняки, от которых немеет задница. А еще они пропускают воду. И это реальные плюсы, которые вы непременно оцените по достоинству».

Я невольно смеюсь – я знаю, что она старается меня подбодрить, – и она мне подмигивает. Мы с Тэми подружились в школе благодаря танцам – обе занимались в студии джаз-модерна. Я жила дома, а она – в пансионе, потому что ее родителям, банковским служащим, приходилось очень много работать. Когда ей было два года, они переехали из Нигерии во Францию, а через несколько лет перебрались в Лондон. Теперь Тэми тоже работает в банке. В ответ на слова о том, что это, наверное, сложно, она улыбается и говорит: «Да, но именно это мне нравится».

– Как дела на работе? – спрашиваю я, надеясь сменить тему, но она продолжает читать:

– «Дом расположен среди причудливых садов и угодий, гармонирующих с его нетрадиционной архитектурой».

– «Причудливый» значит «странный», – говорю я, прищурившись. – А «нетрадиционный» означает «уродливый».

– Нет, это не так! Ты знаешь, Эффи, что я безумно люблю «Зеленые дубы», но нужно признать, что этот дом не такой, как все. Он особенный, – тактично добавляет она. – «Просторный холл ведет в большой, обшитый панелями зал с диванчиком-подоконником», – читает она, и какое-то время мы обе молчим, потому что, будучи школьницами, мы жили на этом подоконнике.

Мы задерживали древние, плотные шторы, и получалась такая затхлая пещера, в которой мы читали журналы и пробовали краситься. Став старше, мы распивали там водку-миньон и говорили о мальчиках. Когда у Тэми умерла бабушка, мы, обнявшись и ничего не говоря, полдня просидели в нашем собственном пространстве.

Я сажусь на пол рядом с Тэми и смотрю, как она прокручивает фотографии, сопровождая их забавными комментариями. Но когда она доходит до снимка кухни, где все чисто и блестит, включая шкафы, ее палец замирает, и мы обе молчим. Даже у Тэми пропадает желание шутить. То, что сделала Криста, называется бессмысленным и беспощадным варварством. Она уничтожила нечто прекрасное и уникальное – лес Мими.

А люди еще удивляются, почему это я с ней враждую.

На кухне звенит таймер, и Тэми поднимается.

– Нужно помешать жаркое, – говорит она. – Чай будешь?

Тебе явно не помешает.

— Да, пожалуйста, — благодарно говорю я. — Денек выдался не из легких.

И дело не только в том, что «Зеленые дубы» проданы, и даже не в том, что меня выставили с кухни... а в целом. Все это спрессовалось в моем мозгу.

Хотите верьте, хотите нет, но я пыталась дать Кристе шанс. Честно-честно. В тот день, когда мы впервые встретились с ней в «Зеленых дубах», я была настроена позитивно.

Да, мне странно было наблюдать за тем, как незнакомая гламурная особа в джинсах и на высоких каблуках командует на кухне Мими. Проводит наманикюренной рукой по папиной спине. Называет его «Тоун», по-девчачьи жметесь к нему на диване и ржет над только им двоим понятной шуткой, явно связанной с сексом. Но я не была «настроена против нее с самого начала», как, похоже, все думают.

Потом Бин сказала, что нам следовало бы сначала встретиться на нейтральной территории, и, пожалуй, была права.

Видеть на месте Мими другую женщину само по себе было тяжело. Как правило, мать остается в семейном доме, но, как неустанно повторяла Мими, это был папин дом задолго до того, как она появилась на сцене. Поэтому Мими настояла на том, чтобы съехать, и после этого, казалось, не прошло и пяти минут, как въехала Криста.

Это всегда непросто. Но положила руку на сердце я была готова терпеть и даже отчасти полюбить Кристу. Тревожный

звоночек прозвучал, когда мы встретились в третий раз. В тот день у нас с папой впервые случилась серьезная размолвка.

К тому моменту наши отношения уже немного испортились. Какое-то время после объявления о разводе я не могла толком разговаривать ни с папой, ни с Мими, потому что на языке у меня вертелось лишь «Почему?», «Как вы могли?» или «Вы совершили ужасную ошибку!», а Бин сказала, что это ничего не даст. (И не поддержала мой скоропалительный план свести папу и Мими вместе, воссоздав атмосферу их первого свидания и заманив их на него.)

Так что все было тяжело. И все мы были слегка расстроены тем, как изменился папа. Он явно пытался соответствовать Кристе – купил новую одежду (скверные джинсы), и сделал себе искусственный загар (он это отрицал, но результат был налицо), и ящичками покупал шампанское. Судя по всему, они с Кристой не пили ничего, кроме шампанского, которое прежде появлялось в доме по особым случаям.

Они постоянно устраивали себе роскошные мини-путешествия и размещали свои фотографии в халатах в свежесозданной папиной страничке в соцсетях. И говорили о покупке виллы в Португалии, в которой папа никогда прежде не бывал. Все это были идеи Кристи. А на «четырехмесячник» знакомства он купил ей кулон с бриллиантом, и она постоянно говорила о нем, хвасталась и привлекала внимание. *Зацените камушек! Смотрите, как играет на свету!*

Как будто появился совершенно новый, другой папа. Но, по крайней мере, я все еще разговаривала с ним. Я все еще чувствовала, что он на моей стороне. До того дня.

Я приехала в «Зеленые дубы» на ланч — только я. Папа разговаривал по телефону, а я забрела в гостиную и увидела Кристу, фотографирующую бюро. Затем она тихо пробормотала в телефон «бюро, шесть ящиков, золотые ручки», точно диктовала. Я была так поражена, что мгновение не могла пошевелиться, а затем на цыпочках удалилась.

Я попыталась отнестись к ней непредвзято и весь ланч придумывала невинное объяснение ее действиям. Но не смогла. Поэтому я сказала папе, что хочу поговорить в кабинете о «семейном деле», а потом все ему высказала.

Разговор вышел не просто плохой, а ужасный. Я точно не помню, что именно он говорил, но хорошо помню его гнев, оборонительный тон, слова о том, что я не вправе шпионить и должна принять, что теперь он с Кристой, должна радоваться за него, не придумывать проблем и не упоминать об этом Гасу или Бин, потому что иначе это настроит их против Кристи.

Я помню, как смотрела на него во все глаза, и лицо у меня подергивалось. Я была настолько потрясена тем, что он принял сторону Кристи, а не мою, что с трудом что-то выдавила из себя в ответ и тотчас ушла.

Гасу и Бин я ничего не рассказала о том дне. Я сдержала обещание, данное папе. Но обещания не начинать вражду

с Кристой я не давала, верно?

Поэтому я объявила ей войну.

Первый удар я нанесла Кристе в день рождения, когда ей исполнилось «сорок один без морщин», как она сообщила нам тысячу раз, и папа по этому случаю собрал нас всех на тот ужасный ланч.

Хотелось ли нам «праздновать» Кристин день рождения? Нет. Мы ее настоящая семья? Нет. Видела ли она в этом всего лишь возможность вытащить весь дорогой фарфор, нанять кейтеринг, откупорить шампанское и понтануться? Да.

Но Бин сказала, что мы должны постараться, а мне не следует язвительно кавычить слово «праздновать», если мы искренне порадуемся за Кристу, возможно, это будет началом к сближению.

Иногда мне хочется махнуть рукой на Бин.

Поэтому я вручила Кристе презент, завернутый в подарочную бумагу, – золотистую фоторамку. В нее была вставлена золотисто-глянцевая фотография самой Кристы. С двумя «пузырьками», как в комиксах. В одном значилось «Зацените камушек!», а в другом – «О, бабло!».

Ладно, «О, бабло!», наверное, было перебором. Но я просто не могла удержаться.

Я была готова с пеной у рта доказывать, что презент самого невинного и шутливого свойства, но до этого даже не дошло. Криста несколько секунд с застывшим лицом смотрела на рамку, затем сказала «Супер!» и сунула ее в сумку

прежде, чем кто-либо успел увидеть.

А затем она облила меня коктейлем. По официальной версии, бокал она опрокинула случайно. Но мы обе знаем, что это не было случайностью. Она вылила «Кир Роял» на мое новое кремовое платье и тотчас изобразила раскаяние, схватила своего пса Бэмби и принялась гладить его по башке, приговаривая: «Что мамочка наделала, Бэмби! Глупая мамочка пролила вкусняшку на бедняжку Эффи!»

В тот день мы с ней негласно объявили друг другу войну. Какое-то время мы вели довольно активные боевые действия, в основном обмениваясь пассивно-агрессивными имейлами, двусмысленными комплиментами в соцсетях и оскорблениями, замаскированными под любезности.

Подначивать ее и ждать ответной реакции было даже забавно. Это была своего рода игра. Я по-прежнему ходила на семейные сборища, молча топорщила щетину и с опаской следила за Кристой, но по-настоящему *придраться* было не к чему. До одного вечера два месяца назад. Мы втроем прибыли в «Зеленые дубы» на ужин – нас привез Гас, – и я была в довольно хорошем настроении. Пока папа не сказал с порога, избегая смотреть нам в глаза: «Да, кстати, Криста перекрасила кухню. Но не волнуйтесь, сначала я сделал фотографии на память».

Только и всего. Я до сих пор не могу в это поверить. Что он, прежде всего, позволил ей это сделать. И что сообщил нам об этом так, походя. Что он не понимал, каким потрясе-

нием это будет для всех нас.

Гас, войдя и увидев свежеекрашенные белые шкафы, только ахнул. У Бин на лице появилось опрокинутое выражение. А мне казалось, что меня контузило. Помню, я стояла и чувствовала себя так, точно все мое детство стерли.

Хуже всего было то, что Криста своим святотатством *гордилась*. Она трещала про то, что краска называется «Уимборнские белила» и сейчас кухня выглядит гораздо свежее. К тому моменту я была расстроена до такой степени, что едва могла говорить, но при слове «свежее» меня прорвало:

– Я думаю, и «Мона Лиза» будет выглядеть свежее, если ее подновить краской для фасадных работ. Может, предложишь свои услуги Лувру?

Что не было воспринято на ура.

Гас и Бин, судя по всему, через несколько минут справились с потрясением и взяли себя в руки. Они налили себе вина и принялись разговаривать. Но я не могла. Я была слишком травмирована. Слишком удручена. Я принялась объяснять, насколько я расстроена, и постепенно распалялась все больше и больше... и наконец заорала на Кристу:

– Знаешь что? С тобой в одном доме нам слишком тесно, Криста, поэтому мы уходим. Ясно? *Мы уходим. Навсегда.*

Потом наступил очень неловкий момент, потому что я предполагала, что Бин и Гас последуют за мной, а они этого не сделали. Они остались сидеть на диване, а я с пылающими щеками и тяжело дыша решительным шагом направилась

в холл, готовая «дать пять» сестре и брату – которые, само собой, проявят солидарность со мной, – и обнаружила, что никого нет. Сбитая с толку, я снова сунула голову в гостиную и сказала:

– Ну, вы идете?

– *Эффи...* – страдальческим тоном произнесла Бин, не двигаясь с дивана, а Гас просто принял отсутствующий вид.

Тогда мне пришлось совершить второй исход с высоко поднятой головой, и, клянусь, я слышала, как Криста хихикнула.

Я была в ярости. Я почти решила для себя не прощать их обоих. Потом Бин сказала, что она разрывалась на части, но инстинктивно чувствовала, что если мы все уйдем, то семья развалится навсегда, и попыталась стать мостиком.

– Ты и *в самом деле* мостик, – огрызнулась я, – потому что позволила Кристе себя растоптать!

Она приняла обиженный вид, и я пожалела о своих словах.

Тогда я взялась за Гаса. Он якобы не понял, что ему следовало пройти на выход, и сказал в следующий раз предупредить его сообщением.

Семейка бесхребетников.

С того вечера я почти не общаюсь с папой. И больше не бывала в «Зеленых дубах». Я прекратила пикироваться с Кристой, а она – со мной, но это не значит, что я спокойна. Война перешла в подковерную фазу. Я все время настороже

и ожидаю очередной бомбы.

Тэми снова садится рядом, протягивает мне кружку чая и опять вглядывается в обезличенную перекрашенную кухню. Ей тоже нравилось творение Мими, и как-то на Пасху она даже пририсовала своего цыпленка.

– Сука, – лаконично говорит она.

– Ага. И, представь себе, она организует отвальную вечеринку, – угрюмо добавляю я. – Показушное мероприятие, чтобы все попрощались с «Зелеными дубами», а она порхала бы туда-сюда в роли пчелиной матки.

– И в чем ты пойдешь?

– А я не пойду, – без обиняков говорю я. – Это вечеринка *Кристы*.

– Ну и что, – возражает Тэми. – Плевать на нее! Попрошайся с домом, повидайся с друзьями и семьей, напейся... На твоём месте я бы разоделась в пух и прах и *показала* бы этой твари.

Судя по мечтательному выражению в глазах у Тэми, она уже мысленно прикидывает, что можно было бы заказать на люксовой ритейл-платформе Net-a-Porter.

В этот момент у меня гудит телефон – это пришло сообщение от Бин:

Только что получила приглашение. По имейл, от Кристы. А тебе уже пришло?

Я захожу на электронную почту – от Кристы ничего нового, поэтому я отправляю в ответ:

Не-а.

Через мгновение она пишет снова:

Значит, еще придет. Я перешлю свое. Будет весело!
Тебе правда стоит пойти.

– Это Бин, – говорю я Тэми, которая наблюдает за мной. – Она считает, что мне стоит пойти.

– Она права, – твердо говорит Тэми. – Выпей и съешь все, что можно, и оттянись по полной программе.

В этот момент на телефон приходит имейл от Бин, и я со сдержанным интересом открываю вложение. Это шикарное приглашение в виртуальном конверте и с карточкой, написанной витиеватым рукописным шрифтом.

– Как претенциозно, – сразу говорю я. – Можно подумать, речь идет о королевской свадьбе.

– «Мисс Криста Коулман и мистер Энтони Талбот от души приглашают вас на прощальную вечеринку в «Зеленых дубах». Шампанское и коктейли, с 18:30 до 21:00», – читает поверх моего плеча Тэми. – Шампанское и коктейли. Сообщаешь? Будет где разгуляться!

– Тут еще одна карточка, – говорю я, щелкая по вложению. – Семейный ужин с 21:00 и допоздна.

– Две вечеринки! – восклицает Тэми. – Еще лучше!

– «Семейный ужин» звучит тухло, – морщусь я. – Я что, обязана на него остаться?

– Семейный ужин – для избранного круга лиц, – возра-

жает Тэми. – Это vip-мероприятие. Она подаст по меньшей мере пять блюд.

Тэми права. Это будет такое супер-пупер гастрономическое шоу, что сейчас мне уже хочется его увидеть.

– Она подаст лобстера, – говорю я, вглядываясь в витиеватый шрифт. – Нет, жареного лебедя.

– Страуса во фритюре, фаршированного жареным лебедем.

– И с «камушком» на шее.

Мы уже обе хихикаем, и когда на телефоне высвечивается звонок от Бин, я все еще улыбаюсь.

– Привет.

– Ну что, посмотрела? – в присущей ей нетерпеливо-обеспокоенной манере интересуется она. – Ты пойдешь?

– Не знаю, – говорю я. – Может быть. Звучит довольно солидно. По части напитков, по крайней мере.

– О да, Криста размахнулась. Она приглашает уйму народа. Из деревни, своих друзей и папиных... – Бин делает паузу и затем осторожно продолжает: – Она пригласила Марранов. Но я не знаю, придут ли они в полном составе.

Она имеет в виду, *я не знаю, придет ли Джо*. Я ненадолго закрываю глаза. Отлично. Джо Марран. До кучи.

– Ладно, я подумаю.

– Приходи, пожалуйста! – Телефонную линию буквально распирает от энтузиазма Бин. – Без тебя все будет не так, Эффи. Ты ведь хочешь взглянуть на дом, правда? И что-то

свое забрать? В понедельник придут грузчики и перевезут все мои вещи ко мне, и ты могла бы сделать то же самое. Я заберу все свои старые книжки. И старую мебель.

– С Кроликом Питером? – Я смеюсь от удивления. – Куда ты ее поставишь?

Коттедж Бин полностью меблирован, в частности, в нем есть нормальная кровать суперкоролевского размера.

– Я освободила лишнюю комнату, – торжествующе говорит Бин. – Гости будут размещаться в Кролике Питере, а кто будет смеяться – пожалуйста, на выход.

– Никто не будет смеяться! – ласково говорю я. – Я сама с радостью погощу у Кролика Питера.

Повисает пауза, затем я с неохотой добавляю:

– А ты что наденешь?

– *Значит*, ты пойдешь! – восклицает Бин.

– Посмотрим, – уклончиво говорю я.

Возможно, я не настолько упряма, как мне кажется. Возможно, мне хочется поднять бокал за «Зеленые дубы». Возможно, мы помиримся с папой.

Другими словами, если я не пойду, помирюсь ли я с ним вообще *когда-нибудь*?

Я смотрю электронную почту – вдруг письмо от Кристи уже пришло, но ничего нет.

– Но вообще-то я до сих пор не получила приглашения на эту тусовку, – говорю я, и Бин снова смеется.

– Ты же знаешь Крису. Она настолько технически без-

грамотна, что, наверное, отправляет каждое письмо по отдельности. О, Эфелант, я так рада, что ты пойдешь.

– *Посмотрим.*

– Ладно, *посмотрим.* Пусть так. Но дай мне знать, когда приглашение придет.

Сестра отключается, а я снова обновляю почту. От Кристи по-прежнему ничего. Можно предположить, что все семейные приглашения она должна была отправить вместе. Но мое она, вероятно, отложила на потом. Да что это я, в самом деле? *Разумеется*, она отложила его на потом. Она хочет поставить мне на вид. Ну, как ей угодно. Пусть ставит на вид. Мне плевать.

Но, как выясняется, не настолько плевать, потому что за последний час я обновила почту, пожалуй, сотню раз. Куда запропастилось это гребаное приглашение? Ей хорошо известно, как меня накрутить. Она в курсе, что мы с Бин общаемся. Думает, я не раскусила ее игру?

– Наберись терпения, – советует Тэми, которая сидит на диване в шапочке для душа и источает сильный запах кокосовой маски для волос. – А пока займись волосами. – Она указывает себе на голову. – У меня есть еще один пакетик этой штуки. Она классная.

Но я слишком возбуждена, чтобы наносить маску для волос, я больше не в силах ждать. Я подтягиваю к себе ноутбук и принимаюсь писать письмо.

– Что ты делаешь? – прищурившись, спрашивает Тэми.

– Разоблачаю блеф Кристи, – коротко отвечаю я. – Не может же она вечно играть со мной в игры.

Я строчу сообщение, мои пальцы быстро и решительно порхают над клавиатурой.

Привет, Криста.

Твой последний пост в Инсте просто бомба!! Как камушек? Надеюсь, с ним все в порядке. Будешь ли ты дома вечером в субботу? Я хочу заскочить за вещами, но если тебя не будет, могу заехать в другое время.

Эффи.

Я нажимаю «Отправить» и жду ее реакции. У Кристи всегда телефон при себе, в чехольчике на поясе со стекляшками, поэтому я знаю, что скоро она увидит мое письмо. И точно, через несколько минут приходит ответ.

Привет, Эффи!

Давненько от тебя ничего не было! Мы с твоим папой уже стали думать, что тебя вовсе нет и детей только двое. Шутка!!!

В субботу вечером мы дома, но у нас будет небольшая тусовка. Приходи, повеселимся! Поскольку ты сказала, что твоей ноги в этом доме больше не будет и меня ты видеть не желаешь, я не стала посылать тебе приглашение, но, если ты хочешь прийти, то мы, конечно, будем тебе ужасно рады. Форма одежды парадная, напитки с 18:30.

Криста

Я дважды перечитываю письмо, и, по мере того как его смысл проникает в мое сознание, мое потрясение становится все сильнее. Она не откладывала приглашение на потом – меня вообще не собирались приглашать. В наш семейный дом. На нашу семейную вечеринку, куда были приглашены все подряд. Меня не было в списке.

Это была бомба от Кристи после недель затишья. Она ждала возможности сбросить ее, и я как наяву представляю себе ее торжествующую улыбку на розовых напыленных губах.

Щеки у меня пылают. Голова идет кругом. Я даже мысли *не допускала*, что меня могут не пригласить и, по сути, лишат последней возможности попрощаться с нашим семейным домом.

– Ну что, пришло письмо? – спрашивает Тэми, и я поднимаю глаза, стараясь казаться веселой.

– Официально не приглашена, – выдаю я и вижу, как она меняется в лице.

– Не приглашена? Ты шутишь! – Она вырывает у меня ноутбук и внимательно смотрит в экран. – погоди, ты же приглашена.

– Но ведь это не совсем приглашение, так? Меня не было в списке. Криста «разрешает» мне прийти на вечеринку. А это уже другое дело. По сути это электронное письмо скорее тянет на антиприглашение.

– Невероятно, – выдыхает Тэми. – Это же твой дом!

– Больше нет.

– погоди, но... твой папа. – У нее округляются глаза. – Он считает это нормальным? Не может быть!

– Не уверена, – говорю я, пытаюсь изобразить на губах улыбку. – Полагаю, да. Знаешь, мы с ним почти не разговариваем. Так что, должно быть, это... и его желание тоже.

Я замолкаю. Ощущение такое, будто где-то захлопнулась дверь. Я даже не знала, что она была открытой, но сейчас она определенно закрылась.

– Это возмутительно! – восклицает Тэми. – Сколько ты прожила в том доме? И сколько фигурирует на сцене Криста? Что касается твоего отца... – Она недоуменно осекается, и какое-то время мы обе молчим.

– Ну ладно, – наконец произношу я дрожащим голосом. – Дай-ка сюда.

Негнушिमися руками я беру ноутбук и нажимаю «Ответить».

– Что ты задумала? – спрашивает Тэми.

– Собираюсь отклонить любезное антиприглашение Кристи.

– Нет, – она качает головой. – Пока не надо. Переспи с этой мыслью.

Я никогда не понимала, что означает «переспать с мыслью». Ворочаться всю ночь с боку на бок, размышлять над проблемой, а утром выполнить то, что собиралась сделать накануне, только с двенадцатичасовой задержкой? И это что,

хорошая идея?

– Не о чем тут думать, – говорю я и принимаюсь быстро печатать.

Дорогая Криста!

Какое заманчивое приглашение!!!

Мне посчастливилось мельком увидеть другое, которое ты отправила Бин, и оно, помнится, выглядело слегка иначе. Как мило с твоей стороны приготовить для всех разные приглашения. Суперперсонализированные!

К сожалению, я вынуждена отклонить твое любезное предложение. Я вспомнила, что тем вечером я буду занята. Я пока еще толком не знаю, чем именно.

Ты, должно быть, предвкушаешь возможность показать наш дом всей деревне!!! Очень надеюсь на то, что показ пройдет хорошо, и еще раз спасибо, что включила меня в почтовую рассылку.

С наилучшими пожеланиями.

Эффи.

Без долгих раздумий, а точнее, вообще без раздумий – в голове у меня странно пусто – я нажимаю «Отправить» и поднимаюсь с пола.

– Ты куда? – спрашивает Тэми. – Эффи, ты в порядке?

– В порядке, – говорю я. – Я к Мими.

Глава 4

Наша семья распалась, и это факт.

Я шагаю по улице в направлении квартиры Мими, и в моей голове проносятся быстрые, яростные и грустные мысли. Бин с ее миротворческой программой может говорить что угодно, но вы только на нас *посмотрите*. Когда-то мы были самой сплоченной семьей, вместе обедали, выезжали на пикники, ходили в кино... Теперь мы больше не собираемся. Я несколько недель не видела папу. Гас ушел в свободное плавание. Даже Бин притихла. А теперь вот это.

Я с тягостным чувством мысленно обращаюсь к тому моменту, когда начался наш разрыв с папой. Потому что это была не моя вина, действительно *не моя*. На следующий день после исхода из «Зеленых дубов» я позвонила ему. Но не дозвонилась и оставила сообщение. Я предложила пообедать или что-то вроде того.

И принялась ждать. Прошел день. Два дня. Три. Я все планировала, что скажу ему, когда мы будем это обсуждать. Я даже набросала своеобразный сценарий. Я извинюсь за эмоциональную реакцию. За то, что наорала на Кристу. Но затем объясню, что «посвежевшей» кухни мы с сестрой и братом не разглядели, зато увидели, что наше детство было стерто. Я объясню, что рядом с Кристой я постоянно ощущаю дискомфорт. Что все это сложнее, чем ему может представляться...

Но мы так ничего и не обсудили. На четвертый день папа прислал имейл, и я с бешено колотящимся сердцем открыла его – такого обескураживающего послания мне получать не доводилось. Папа сообщал, что моя корреспонденция до сих пор приходит в «Зеленые дубы» и, наверное, ее следует переадресовать.

Корреспонденция? *Корреспонденция?*

Ни слова о том вечере. Ни слова о Кристе. Ни слова о том, что имеет значение.

Моя обида взмыла до небывалых высот. Некоторое время я подумывала не реагировать вообще. Но потом решила ответить кратко и достойно: *Сожалею, что моя корреспонденция причиняет беспокойство, приношу свои извинения, я немедленно ее переадресую.* И с тех пор мы общаемся в таком духе. Кратко. По сути. Официально. В следующем письме папа известил меня о кончине какого-то дальнего родственника, о котором я никогда не слышала. Я выразила свои соболезнования, как будто обращалась к королевской семье. Неделью спустя он уведомил меня о том, что отправляет старые школьные рефераты, обнаруженные при уборке, а я на это ответила, что беспокоиться не стоит. И это все наше общение за два месяца.

Ощущение такое, что вместе с одеждой и искусственным загаром изменился он сам. Все то, что интересовало его прежде, перестало иметь значение. А я до боли скучаю по своему старому папе. Скучаю по его советам, когда в квар-

тире что-то случается. По шуточному обмену новостями в мессенджере. По тем временам, когда я отправляла ему из ресторана снимок винной карты и спрашивала: «Что нам заказать?» – а он в ответ шутил: «Второе в рейтинге дешевизны, конечно», а потом давал настоящую подсказку.

Газетные статьи и телешоу об отчужденных отношениях в семье всегда были для меня дикостью. Я задавалась вопросом, как такое вообще *возможно*. А теперь это происходит со мной. И когда я задумываюсь об этом, я ощущаю какой-то головокружительный ужас.

Я не могу заставить себя рассказать Бин о том, насколько все плохо. Это просто слишком ужасно. К тому же она такая чувствительная, что испытает стресс и, вероятно, решит, что это каким-то образом ее вина. На самом деле есть только один человек, который, как я считаю, мог бы помочь. Это Мими, которая, когда мы росли, терпеливо разрешала все наши слезливые споры, выясняла, кто прав, кто виноват, и разбиралась со жгучими обидами. Если кто-нибудь может выслушать, дать совет и аккуратно провести переговоры, так это она.

Но именно ее, разумеется, я не могу попросить об этом.

Мими я застаю в саду, где она подрезает свой единственный розовый куст. Она недавно вернулась из Франции и загорела. Вообще в последнее время она много разъезжает: совершает туры выходного дня и арт-путешествия и целый ме-

сяц провела в Южной Африке, где посещала винодельни.

– Дорогая! Я тебя не услышала!

При виде меня ее лицо озаряется, она подходит и обнимает меня. В моих планах – начать со светской беседы, после чего перейти к основной теме, но затем я понимаю, что так не получится.

– Так вот, будет вечеринка, – говорю я.

– Да, я слышала о вечеринке, – нейтральным тоном отвечает Мими, продолжая обрезать куст.

– Просто чтобы ты знала, я не пойду, – говорю я с легким вызовом.

Может быть, мы с Мими проведем субботний вечер вместе, вдруг думается мне. Может быть, я приглашу ее на ужин. Да. Мы устроим свою маленькую вечеринку.

– Не пойдешь?

Она, похоже, искренне удивлена, и я думаю о том, как бы так объяснить, не вдаваясь в детали.

– Не хочется. И вообще не бери в голову, – быстро добавляю я. – Как у тебя дела? – Я наконец-то добралась до светской беседы, с которой планировала начать. – Ты очень хорошо выглядишь. И сад выглядит мило!

– Спасибо, моя дорогая. Потихоньку до всего доберемся. Вот думаю посадить сливу.

– Рассыпчатый сливовник!

– Именно.

Мы с Мими всегда вместе готовили рассыпчатый сли-

вовник. Это была наша фишка. Мы собирали сливы, уворачиваясь от ос, а потом резали их, споря о том, сколько мушкетного ореха нужно натереть, а затем к нам забредал Гас, его глаза загорались, и он спрашивал:

– Это что, у нас пирожок намечается?

Мими обрезает еще несколько веток, а затем, словно угадывая ход моих мыслей, спрашивает:

– Ты в последнее время говорила с Гасом? Он кажется очень озабоченным.

– Мы сто лет не общались, – отвечаю я, испытывая облегчение оттого, что можно поговорить о ком-то другом. – В сообщениях он вечно ерунду пишет, а когда мы в последний раз разговаривали, он выглядел очень взволнованным.

Мими неопределенно хмыкает, а затем легко добавляет, как бы меняя тему:

– А Ромилли будет на вечеринке?

Ха. Это ее секретный код. Мими не будет говорить гадости о Ромилли, потому что это не ее стиль. Но ясно, что она думает так же, как и мы с Бин: Гас в стрессе из-за своей кошмарной подружки.

Мы все понимаем, почему Гас запал на Ромилли. Она очень привлекательная и деятельная, и девочки у нее просто прелесть – Молли и Грейси. На первый взгляд кажется, что у нее полный комплект. Только при ближайшем рассмотрении выясняется, что в комплекте... фрик, одержимый манией контроля и успеваемостью дочерей и беззастенчиво ис-

пользующий Гаса в качестве извозчика / шеф-повара / репетитора по математике. (Это мое собственное мнение.)

По-моему, Гас уже сообразил, что к чему. Он понимает, что Ромилли ему не подходит, понимает, что несчастлив, просто еще не дошел до того, чтобы что-нибудь предпринять. У меня такое ощущение, что «бросить Ромилли», вероятно, значится в списке дел на его письменном столе, но он поставил на него чашку кофе.

– Я об этом не слышала, – говорю я. – Но я уверена, что она там будет.

– Хм-м. А что Бин? – мягко добавляет Мими. – У нее есть... кто-нибудь?

Мое сердце сразу суживается. Потому что если личную жизнь Гаса можно назвать неоптимальной, то у Бин...

Мне до сих пор больно при воспоминании об этом, хотя прошел уже год. История самая грустная и простая. Хэл, которого мы все любили, попросил Бин стать его женой. Он сделал предложение по всей форме, в парке, и мы все были так взволнованы... Бин была так счастлива... Но три дня спустя он передумал и покончил со всем разом. Не только с помолвкой, но и с отношениями вообще.

Они собирались выбирать кольцо. На самом деле Бин направлялась в ювелирный магазин, где они должны были встретиться. О господи. Это было ужасно. *Ужасно*. У меня была самая счастливая сестра в мире, а потом – самая несчастная. Милая, добрая, чуткая, щедрая Бин. Это просто

неправильно. Это *не должно было случиться с ней*.

И да, я понимаю, что Хэл не виноват. Он совершенно честно сказал Бин о том, что увлекся, а потом понял, что просто не готов, и так отчаянно раскаивался в том, что облажался. Он был вынужден сделать то, что сделал, но...

Боже, любовь – это такое дерьмо. Это *дерьмо*.

– Не думаю, – говорю я, глядя на засохший лист. – Она об этом не упоминала.

– Хм-м, – снова в своей тактичной манере говорит Мими. – А ты, дорогая? Есть на примете кто-нибудь... интересный?

– Нет, – говорю я резче, чем собиралась. – Никого.

– Говорят, на вечеринке будут Марраны, – небрежно роняет Мими, срезая розу.

– Ага, – еще резче говорю я. – Я тоже слышала.

– Джо превратился в настоящую знаменитость, да? – Ее, похоже, забавляет этот факт. – Хотя его мама говорит, что его это напрягает. Мы пили кофе на днях. Она сказала, он ушел из соцсетей. Судя по всему, после появления на телевидении его берут штурмом. Осаждают! Знаешь, видео выложено в Интернете.

– Не сомневаюсь, – после паузы говорю я.

– Ты его видела?

– Нет, – говорю я, глядя в небо. – Не думаю.

Это, само собой, вранье, но не говорить же мне, в самом деле: *разумеется, видела, как и все одинокие особи женского*

пола – половина из них предложила себя ему в жены, а другая – отправила экспресс-почтой свои трусики.

Мими явно смекает, что я не хочу говорить о Джо. Она защелкивает секатор и с улыбкой хлопает меня по руке.

– Пойдем-ка пить чай.

Зайдя на кухню, я останавливаюсь как вкопанная и с изумлением смотрю на шкаф. В уголке дверцы – маленькая картинка, сделанная маркером. Дерево и птичка. Просто и безумно красиво.

– Ты по-прежнему рисуешь! – восклицаю я.

– Да, – улыбается Мими. – Немножко. Нравится?

Мгновение я не в силах ответить.

– Да, – наконец выдавливаю я. – Очень.

– Вот, начало опять положено, – прищурившись, говорит Мими. – Ужинать будешь?

– Да, спасибо. – Я перевожу дыхание. – И вот что, Мими, давай сходим куда-нибудь в субботу вечером. Только мы с тобой. В ресторан или еще куда-нибудь?

– А как же вечеринка? – спрашивает Мими, включая чайник, и меня охватывает досада. Она что, не слушала?

– Я *не пойду*. Я лучше буду с тобой!

Мими тихо выдыхает и поворачивается ко мне лицом.

– Эффи, дорогая, в субботу вечером я занята. У меня... – она запинается, – у меня свидание.

Несколько жутких секунд у меня внутри все переворачивается. Свидание? У мамы? *Свидание?*

– Понятно, – говорю я сдавленным голосом. – Это... Ну, ты знаешь. Здорово!

Голова вдруг разом наполняется всякими непрошеными образами. Мими в ресторане чокается шампанским со сладким лисоподобным типом в галстуке, который жаждет «приятного времяпрепровождения и более».

Фу. Нет. Стоп. Это выше моих сил.

– И я считаю, что тебе стоит пойти на вечеринку, – безжалостно продолжает Мими и нежно дотрагивается до моего плеча. – Дорогая, ты что-то недоговариваешь?

Я замолкаю, пытаюсь придумать, что ответить.

– Просто все сложно, – наконец говорю я. – Ну, ты понимаешь. С Кристой. И с папой. И со всем.

При имени Кристи Мими чуть-чуть передергивает. Она никогда не говорит о Кристе, но, когда она в первый раз увидела ее фотографию, я заметила, что лицо у нее слегка опрокинутое.

– Ну конечно, сложно, – в итоге говорит она. – Но ты любишь «Зеленые дубы». Это твой шанс попрощаться с домом. И там непременно есть вещи, которые ты хотела бы забрать.

– А вот и нет, – почти торжествующе говорю я. – Из своей комнаты я все вывезла, или ты забыла?

Пожалуй, мне давным-давно следовало бы все вывезти. Но мы с Бин – и Гас, если уж на то пошло – никогда, строго говоря, не «выезжали». До развода мы всегда приезжали на выходные, так что был смысл держать кое-какие вещи в «Зе-

ленных дубах». Бин даже на какое-то время въехала обратно, когда в ее коттедже был ремонт, у нее по-прежнему в «Зеленых дубах» куча барахла, и кажется, что она все еще живет там.

Но это не мой случай. Я уже там не живу. Месяц назад я сгоряча обратилась в службу перевозки, чтобы они упаковали в коробки все, кроме мебели, и поставили под замок.

– А как же мебель? – настаивает Мими. – И книги?

– Нет, больше мне ничего не нужно. В любом случае все это отправится на хранение и может подождать.

Чайник закипает, но ни одна из нас не двигается.

– Я по-прежнему думаю, что тебе стоит пойти на вечеринку, – серьезно говорит Мими. – Я в этом убеждена, Эффи.

– Ну, я уже отказалась, – беспечным, почти легкомысленным голосом говорю я. – Так что поезд ушел. Ничего не поделаешь.

Больше мы не говорим о вечеринке. Мими кормит меня ужином, мы смотрим телевизор, и, когда обнимаемся напоследок, я действительно в полном порядке.

Дома я какое-то время отмокаю в горячей ванне, а потом готовлюсь спать. И вот когда я в последний раз проверяю телефон, начинают приходить сообщения от Бин.

Мими говорит, что ты ОТКАЗАЛАСЬ?

Эфелант, ты понимаешь, что это наш последний шанс увидеть «Зеленые дубы»?

Не игнорируй меня. Я знаю, что ты там.

Ладно, хорошо, ты не хочешь говорить. Ну так вот что я думаю. Я думаю, тебе следует написать Кристе и сказать, что ты все-таки придешь на вечеринку. Тебе не нужно с ней разговаривать. Ты можешь игнорировать ее весь вечер. Держись возле меня и Гаса.

Если хочешь, я сама напишу. Мне нетрудно.

Может, мне поговорить с папой?

Поговори со мной!!

Я не отвечаю на ее сообщения. Вместо этого я отключаю телефон, ложусь в кровать, зарываюсь под одеяло и зажимаю глаза. Плевать на то, что говорит Бин. Или Мими. Моя решимость крепнет с каждой минутой.

Мне не нужно идти на претенциозную бессмысленную вечеринку или в последний раз смотреть на «Зеленые дубы». Там нет абсолютно ничего такого, что я хотела или желала бы, или к чему испытывала бы малейший интерес. *Ничего.*

Я уже засыпаю, в полудреме прокручивая в голове свои позиции. Да что я вообще могу забрать из «Зеленых дубов»? Конкретно. Ничего! Мозг лениво обегает комнаты первого этажа, как бы проверяя их. Холл... гостиная... столовая... кабинет... затем второй этаж... лестничная площадка...

И тут я резко сажусь, сердце сильно колотится, ладонь

прижата ко рту.

О боже. Боже мой. Мои матрешки!

Глава 5

Мне нужны мои матрешки. Это не вопрос «хочу», они мне нужны. Если закрыть глаза, я могу отчетливо представить их, почувствовать их слабый древесный, домашний запах. У одной на голове трещинка – это Гас швырнул в меня матрешкой в пылу драки. У другой, прямо посреди передника в цветочек, – пятно от синего фломастера. А есть такая, у которой пятно от воды – это я попыталась использовать ее голову в качестве чашки. Все любимые, все заветные. При мысли о том, что я никогда больше не прикоснусь к ним, не почувствую в руках, не увижу их знакомых лиц, в желудке возникает панический спазм.

Но сейчас они в «Зеленых дубах», спрятаны в дымоходе кладовой, куда я сама сунула их полгода назад.

Ирония в том, что сделано это было для того, чтобы с ними ничего не случилось. Чтобы они были *в целости и сохранности*. К нам сюда, в квартиру, залезли воры. К счастью, кукол не тронули – забрали лишь немного налички, – но я перепугалась и решила, что моим дорогим матрешкам будет безопаснее в «Зеленых дубах», чем в нашем районе Хакни.

Но оставлять их на виду, чтобы Криста наложила на них лапы, мне тоже не хотелось. Она уже функционировала в режиме «очистки помещения» и «освежения» и могла запросто определить матрешек в мусорное ведро. Поэтому я спря-

тала их в надежном месте, о котором было известно только мне.

В глубине души я планировала когда-нибудь забрать их. Казалось, у меня на это уйма времени. Я не предполагала, что перестану бывать в «Зеленых дубах». Или что дом будет продан в такой спешке. Или что я буду «антиприглашена» на последнее семейное мероприятие в нем.

Я предполагаю, что все вещи из дома будут определены на хранение, но сотрудники службы переезда едва ли полезут в дымоход. Матрешки останутся там. Новые хозяева затеют ремонт, потому что так бывает всегда. Я прямо представляю, как дородный подрядчик сунет руку в дымоход и вытащит их. *Что это тут у нас? Старые куклы. В мусор их, Берт.*

При этой мысли я холодею от ужаса. С того вечера, когда я резко села в кровати, а это было пять дней назад, я толком не сплю. Я должна их забрать.

Именно поэтому сегодня вечером я *иду* на вечеринку. Но не в качестве гостыи. У меня все спланировано. Я зайду в разгар веселья, проберусь в кладовую, достану матрешек и уйду. Зашла, вышла, ушла. На все про все десять минут максимум, и самое главное: 1. Не попасться никому на глаза и 2. *Стопроцентно* не попасться на глаза Кристе.

– Кроссовки скрипят? – спрашиваю я, переступая на нашем грязно-зеленом кухонном линолеуме с носка на пятку, точно на занятиях боди-балетом. – Звук есть?

Тэми поднимает голову от телефона и тупо смотрит мне

на ноги.

– *Кроссовки?*

– Я должна двигаться бесшумно. Нельзя допустить, чтобы меня поймали в скрипящих кроссовках. Это принципиальный момент, – добавляю я, поскольку она не реагирует. – Знаешь, ты могла бы мне помочь.

– Хорошо, Эффи, помедленнее. – Тэми поднимает руку. – Ты вся на нервах. Дай-ка я скажу напрямик. Ты собираешься проникнуть на вечеринку собственного отца. На которую ты вообще-то приглашена.

– *Антиприглашена*, – возражаю я. – Как тебе отлично известно.

Я растягиваю подколенное сухожилие, потому что у меня есть смутное ощущение, что в этой операции будет задействована вся моя физическая сноровка. Переправляться по канату мне вряд ли потребуется, но... сами знаете. Возможно, придется лезть через окно.

Я одеваюсь во все черное. Не в шикарное вечернее, а как в «Миссия невыполнима», в духе квеста. Черные легинсы, топ, кроссовки и черные кожаные перчатки без пальцев. Плюс черная шапка-бини, хотя на дворе июнь. Я испытываю легкое гипервозбуждение, некоторую нервозность и что-то вроде куража, мол, если этот номер удастся, то можете считать меня Джеймсом Бондом.

Тэми смотрит на меня и кусает губу.

– Слушай, Эффи, ты могла бы просто пойти на вечеринку.

– Но тогда мне придется «пойти на вечеринку», – возражаю я, корча гримасу. – Придется просить приглашение у Кристи... и *улыбаться* ей... Это будет *омерзительно*.

– А если попросить Бин забрать матрешек?

– Это мысль. Но я не хочу просить ее об услуге.

Я отвожу глаза, потому что Бин – это довольно деликатная тема. Она по-прежнему считает, что я должна пойти на вечеринку. На самом деле мы даже поругались из-за этого. (Поругаться с Бин – сложная задача, поскольку она все время отступает и извиняется, даже когда выдвигает убийственные доводы, – но мы были очень близки к этому.) Стоит мне обмолвиться, что я сегодня вечером буду в окрестностях «Зеленых дубов», она снова примется убеждать меня прийти на вечеринку. А я почувствую себя виноватой. Я хочу взять матрешек и уйти.

– Хотя быхвати с собой платье, – говорит Тэми, глядя на меня. – А вдруг ты передумаешь и захочешь присоединиться к веселью. Придешь – а там такая вкуснятина, и скажешь себе: «Черт, надо было просто пойти на вечеринку!»

– Не скажу.

– А вдруг там окажется тот, с кем тебе захочется поговорить?

– Этого не будет.

– А вдруг тебя застукают?

– Хватит! – протестую я. – От тебя слишком много негатива! Меня никогда не застукают. Я знаю «Зеленые дубы»

как свои пять пальцев. Все потайные ходы, чердаки, люки, укромные места...

Я прямо вижу себя: таинственный силуэт бочком проникает в кладовку. Точным движением хватает матрешек. Спускается по водосточной трубе и, сделав кувырок вперед на лужайке, устремляется сквозь тьму в безопасное место.

– Подельница нужна? – спрашивает Тэми, и я мотаю головой.

– Спасибо, но я предпочитаю действовать в одиночку.

– Если потребуюсь, то я к твоим услугам. Я триангулирую твоё местоположение и, если что, организую спасательный вертолёт.

– Я дам тебе знать, – ухмыляюсь я.

– А если увидишь Джо?

Вопрос Тэми застаёт меня врасплох, и я пребываю в нерешительности. Потому что эта мысль тоже приходила мне в голову. Само собой. Тысячу раз.

– Исключено, – говорю я. – Так что все в порядке.

– Хм, – скептически произносит Тэми. – Когда вы виделись в последний раз?

– В позапрошлом Рождество. Он шел мимо наших ворот. Мы поболтали. Это пройденный этап.

Я выхожу из кухни, прежде чем Тэми полезет с расспросами, опускаюсь на диван и делаю вид, что проверяю телефон. Но сейчас я думаю о Джо. И о том вечере, четыре года назад, когда я вернулась из Штатов и все полетело в тартарары.

Наша школьная любовь всегда была темой для сомнений. Мы оба задавались вопросом: *а вдруг все правы и мы слишком молоды?* Поэтому когда у меня на работе запустили программу обмена с Сан-Франциско, это показалось прекрасной возможностью проверить чувства. Мы полгода проведем вдали друг от друга, будем изредка обмениваться сообщениями. Мы сможем встречаться с другими людьми, исследовать жизнь друг без друга. А потом, когда я вернусь...

Мы никогда не говорили этого вслух, но оба знали это. Мы выдержим.

Вечером накануне отлета в Штаты мы пошли в шикарный ресторан, который был нам не по карману, и Джо достал крохотную коробочку, завернутую в подарочную бумагу. При виде ее я задержалась, потому что его финансовое положение оставляло желать много лучшего.

– Знаю, ты не из тех девушек, которые любят «большие бриллианты», – начал он, и я почувствовала внезапную тревогу, думая: *О боже, он что, взял кредит, чтобы купить какой-то дурацкий камушек?*

– Я не из таких, – поспешно сказала я. – *Вообще.* И, знаешь, его всегда можно сдать обратно. – Я кивнула на коробочку. – Если захочешь вернуть, я не против. Сделаем вид, что этого не было.

Джо расхохотался – и, разумеется, мне следовало бы сообразить, что он гораздо умнее.

– Поэтому я пошел другим путем, – продолжил он, лучи-

сто улыбаясь. – И могу с гордостью сказать, что я купил тебе... – он торжественно протянул мне коробочку, – самый маленький бриллиант в мире. Это товарный знак.

Я тоже засмеялась – отчасти от облегчения – и принялась разворачивать бумагу.

– Самый маленький бриллиант в мире – еще куда ни шло, – сказала я, доставая из упаковки коробочку. – Надеюсь, внутри не окажется «довольно маленький».

– На самом деле он виден лишь вооруженным глазом, – невозмутимо ответил Джо. – К счастью, я захватил с собой микроскоп, когда покупал его. Тебе придется поверить мне на слово, что он существует.

Джо всегда умел меня рассмешить. И довести до слез. Потому что, когда я открыла коробочку и увидела серебряную подвеску в форме свечки с крохотным бриллианчиком вместо пламени, мои глаза затуманились.

– Это я, – сказал он. – Буду гореть ровным светом все время, пока ты будешь далеко.

Я подняла взгляд: его глаза тоже блестели, но тем не менее он улыбался, потому что мы уже поклялись, что сегодня вечером будем настроены исключительно оптимистично.

– Ты должен развлекаться, – сказала я. – С... ну, сам знаешь. С другими девушками.

– Ты тоже.

– Что, развлекаться с девушками?

– Если хочешь. – В его глазах мелькнул огонек. – А что,

классная идея. Пришли мне фотки.

– Серьезно, Джо, – сказала я. – Это наш шанс... – Я осеклась. – *Узнать*.

– Я уже знаю, – тихо сказал он. – Но да. Понял. И обещаю развлекаться.

Мне понравился Сан-Франциско, правда. Я не хандрила и не кисла. Я много работала, загорела, сменила стрижку и ходила на свидания с американцами. Они были милые. Вежливые. Забавные. Но они в подметки не годились Джо. Они не могли с ним соперничать. И с каждым свиданием я все сильнее убеждалась в этом.

Мы с Джо намеренно свели письменное общение к минимуму, но иногда, поздно вечером, я посылала ему фотографию подвески-свечки, которая теперь висела у меня на шее на серебряной цепочке. И иногда на телефон мне приходила фотография свечи, горящей у него на письменном столе. И я знала.

Это была моя идея воссоединиться в ночь летнего солнцестояния в доме на дереве в «Зеленых дубах», где на протяжении многих лет мы зависали столько раз. Я прилетела накануне, но сказала, чтобы Джо не встречал меня в аэропорту. Аэропорты – места стрессовые и функциональные, совсем не такие, как в фильмах. Когда вы встречаетесь, все на вас пялятся, всегда есть сумка с барахлом, которая мешает, а потом нужно добираться на метро. Все это мне было *не* по душе. Я предпочла, чтобы наше знаменательное воссоединение

состоялось в доме на дереве в «Зеленых дубах» под ночным небом. Родным я ничего не сказала, просто села на поезд до Натворта, обогнула дома и вышла в поле. Эта встреча планировалась как наша глубоко личная и тайная.

Я далеко не сразу поняла, что он не придет. Ожидание было глупым и убийственно долгим. Я пришла рано, нервничала, но предвкушала, надела новое нижнее белье, новое платье и крошечную подвеску-свечу. Я принесла вино, свечи-таблетки, коврик, музыку и даже торт. Поначалу я не волновалась. Я отпила вина и радостно предалась ожиданию.

Через полчаса я отправила ему фотографию подвески-свечи, но ответа не последовало. Тогда я отправила сообщение еще раз – оно тоже осталось без ответа, и тут я забеспокоилась. Наплевав на сдержанность, я отправила ему целую обойму шуточных эсэмэс, вопрошая, помнит ли он, какое сегодня число? Про нашу договоренность? Про все, о чем мы говорили? И, наконец, чуть более отчаянно: все ли с ним в порядке???

Тогда я запаниковала. Я сидела на дереве почти час. Джо вообще-то не из тех, кто опаздывает. В голову лезла всякая жуть. Он погиб. Он направлялся сюда с букетом цветов, и его сбила машина. Или его похитили. Или, как самый крайний вариант, его придавило шкафом.

Только этим я могу оправдаться за то, что сделала дальше, а именно направилась в дом его матери. О боже. Меня до сих пор тошнит при воспоминании об этом. Как я, пошатываясь,

почти задыхаясь от волнения и со слезами на глазах шла по дорожке к дому Изабел Марран, а потом отчаянно давила на кнопку звонка.

Не знаю, на что я надеялась. На радостную, душесогревающую сцену, в ходе которой выяснилось бы, что Джо опоздал, снимая с дерева котенка.

По факту дверь мне открыла Изабел в махровом халате. Она была в ванной. Ну и *стыдоба*.

– Эффи! – воскликнула она. – Ты вернулась!

Но я была слишком на взводе, чтобы улыбнуться в ответ.

Я вывалила ей свои опасения, и ее удивление сменилось тревогой. Она тут же достала телефон, отправила сообщение, и через несколько секунд пришел ответ.

Выражение ее лица подтвердило мрачные и немыслимые подозрения, которые исподволь зрели во мне все это время. Вид у нее был смущенный. Обеспокоенный. Сконфуженный. И, что хуже всего, сочувствующий.

– Эффи... с ним все в порядке, – мягко произнесла она, ее лицо скривилось, точно известие о том, что сын на самом деле не погиб и не придавлен шкафом, далось ей с трудом.

– Хорошо, – сказала я, чувствуя тошноту. – Хорошо. Извините. Я... я поняла.

Я еще в полной мере не осознала чудовищность происшедшего, но мне нужно было уйти. Ноги сами понесли меня вон... но потом я на мгновение затормозила.

– Пожалуйста, не говорите никому, – хриплым голосом

взмолилась я. – Моим родным. Мими. Бин. Они не знают, что я здесь. Прошу вас, Изобел.

Слезы текли у меня по лицу, и Изобел выглядела почти такой же расстроенной, как я.

– Ему нужно поговорить с тобой, – пробормотала она. – Я не знаю, что... Я не *понимаю*, что... Эффи, зайди. Давай я напою тебя чаем.

Но я лишь молча покачала головой и попятилась. Мне хотелось забиться в темный угол и там переварить кошмар, который происходил.

Хуже всего было то, что вопреки всему у меня еще теплилась надежда. Добил меня телефонный звонок, раздавшийся через полчаса. Звонил Джо. Он извинялся. Он раз сто сказал, что сожалеет. Раз сто повторил, что обошелся со мной скверно. И раз сто добавил, что ему нет оправдания.

Чего он не сказал, так это *почему*. Каждый раз, когда я спрашивала почему, он просто говорил, что сожалеет. Я не смогла пробить эту глухую, несокрушимую стену извинений. Но извинения меня не устраивали.

На смену отчаянию пришла ярость, и я потребовала встречи – *Как минимум в этом ты не вправе мне отказать*, – и потому на следующий день у нас состоялось удручающее объяснение за кофе. Но это было похоже на допрос свидетеля в зале суда. Я не могла понять, что стало с моим теплым, остроумным, любящим Джо.

Глухим голосом он поведал, что новых отношений не за-

вязал, но считает, что испытания не выдержал. Он запаниковал. Он не хотел причинить мне боль, хотя осознает, что причинил. Он не один, а шесть тысяч раз сказал: «Я даже себе, Эффи, не могу это объяснить», – уткнувшись взглядом в дальнюю стену.

Можно привести парня в кафе, но заставить его открыть душу – невозможно. Мы двигались по замкнутому кругу, и в конце концов я, усталая и побежденная, сдалась.

– Тогда хорошо, что ты подарил мне самый маленький бриллиант в мире, – сказала я, давая прощальный залп. – Будет не так обидно выбросить его в мусорное ведро.

Это был ребяческий выпад, и Джо явно дернулся, но мне было плевать. На самом деле это было приятно.

Вот почему на следующее Рождество, когда я была совершенно уверена, что наткнусь на Джо, я совершила еще один ребяческий выпад, от которого он должен был дернуться. Я подцепила нашего местного аристократа Хамфа Пелэм-Тейлора.

Хамф живет в восьми километрах от Натворта и шикарен по всем статьям. Генеалогическое древо, клетчатые рубашки, старушка-няня, которая по-прежнему живет в доме, и все в таком духе. В школе он все время бегал за мной – я, само собой, интереса не проявляла, – но сейчас это был шанс отомстить Джо.

Я в том смысле, что это сработало. Когда я появилась на рождественской службе в эффектной шляпе из искусствен-

ного меха и под ручку с Хамфом, у Джо чуть челюсть не отпала. А когда я громко воскликнула: «Хамф, дорогой, с тобой не соскучишься!» – Джо, оглядываясь на нас, чуть шею себе не свернул. (Честно говоря, еще много кто чуть шею себе не свернул. В том числе Бин.)

На этом мои достижения закончились. Одна почти отпавшая челюсть и одна почти свернутая шея, а дальше – тишина в эфире. Джо свалил до подачи глинтвейна. Мы даже парой слов не перебросились.

И ради этого мне пришлось терпеть визгливый голос Хамфа, его ужасные поцелуи и внушающие опасения воззрения на жизнь. («Я к тому, Эффи, что женский мозг меньше, это научный *факт*».) На День подарков наши пути разошлись. Мы пробыли вместе три недели, и этого мне было за глаза.

Мы не переспали, о чем я частенько напоминаю себе. Я нашла в Интернете перечень – *10 отговорок, чтобы не заниматься сексом*, – и методично прошла по всем позициям, начиная с «Что-то голова болит» и заканчивая «Не могу, когда твой пес на меня смотрит». Но мы были парой, и уже этого хватало.

Конечно, сейчас я об этом сожалею. Это была безответственная выходка. Но о чем только я не сожалею – к примеру, я верила, что когда-нибудь у нас с Джо будут внуки.

Звук покашливания выводит меня из задумчивости – я поднимаю глаза и вижу Тэми, которая наблюдает за мной.

– Говоришь, Джо – пройденный этап? – произносит она. – Видела бы ты сейчас свое лицо. Ты даже не заметила, как я вошла. И не притворяйся, что ты не о нем думала.

Тэми не в курсе всей истории о том, что произошло с Джо, но она знает, что у меня до сих пор саднит. (И от того, что он практически каждый день фигурирует на сайте «Дейли Мейл», мне *не легче*.)

– Он ведь расстался со своей девушкой, да? – добавляет она, словно читая мои мысли. – Это было в «Мейл». Как же ее звали?

– Точно не знаю, – уклончиво говорю я, словно не в моей памяти отпечаталась подробная информация о ней. *Люси-Энн. Редактор телевидения. Очень хорошенькая, с распущенными каштановыми волосами. На фотографии, снятой в Гайд-парке, они стояли под ручку.*

– Нет, все-таки, – терпеливо говорит Тэми, – а вдруг ты его увидишь? На этот случай тебе нужен геймплан.

– Не нужен, – возражаю я. – Потому что я его *не* увижу. Я пробуду в доме от силы минут десять и не буду приближаться к гостям. Я проберусь с черного хода, через кустарник...

– Кто-нибудь тебя засечет, – упорствует Тэми, и я мотаю головой.

– Кусты подходят почти вплотную к кухонной двери. Помнишь, как мы раньше играли там в прятки? Я зайду оттуда, метнусь вверх по лестнице...

– А на кухне никого не будет? Служащих кейтеринга или

еще кого-нибудь?

– Они там будут, но не все время. Я спрячусь в кустах и улечу момент.

– Хм, – скептически произносит Тэми, и тут ее лицо меняется. – Эй, а как же дом на дереве?

– А никак. – Я пожимаю плечами. – Отойдет новым владельцам.

– Черт, – сокрушенно качает головой Тэми. – То есть это правильно, но черт возьми. Когда-то мы *жили* в нем.

Несмотря на все, что произошло тогда, дом на дереве по-прежнему мне дорог. Он двухэтажный, с веревочной лестницей и даже с трапедией. Летними ночами мы, постелив одеяла, ложились на деревянные доски и смотрели на звезды. Мечтали, слушали музыку, строили планы на жизнь.

А потом нам разбивали сердца. Или, возможно, так произошло только со мной.

– Да ерунда, – отрывисто говорю я. – Это всего лишь дом на дереве.

– Эффи. – Тэми, вдруг посерьезнев, смотрит мне прямо в глаза. – Послушай, ты *уверена*? – Она проводит рукой по моему черному облачению.

– Конечно. – Я выпячиваю подбородок. – Что за вопросы?

– Это же твое прощание с «Зелеными дубами». – В ее взгляде тоска. – Даже я любила тот дом, а ведь я не жила в нем. Ты должна попрощаться как следует, а не шмыгнуть подобно тени.

– Прощаться с чем? – Я не в состоянии сдержать резкость в голосе. – Дом уже не тот... и наша семья уже не та...

– Пусть так, – не сдаётся она. – Пока ты там, тебе нужно улучшить момент. Побывать с ним. Прочувствовать его. – Она прижимает руку к сердцу. – А не то потом ты можешь пожалеть, что промчалась впопыхах, понимаешь?

Ее взгляд устремлен мне прямо в глаза – моя самая старая и самая мудрая подруга смотрит на меня с беспокойством, и я внутренне вздрагиваю, потому что она подбирается к моей самой сокровенной части. К самой крошечной матрешке. Которой по-прежнему, спустя столько времени, обидно и больно.

Я знаю, что в ее словах есть смысл. Но правда вот в чем: я не хочу «прочувствовать его». Я устала от «чувствований». Мне нужно быстро, со щелчком, спрятаться во внешних защитных оболочках. Кукла за куклой. Оболочка за оболочкой. Щелк, щелк, на замок, на замок. И безопасно внутри.

– Да ерунда. – Я почти на глаза натягиваю бини. – Это всего лишь дом. Думаю, у меня все будет в порядке.

Глава 6

Ну, положим, не в порядке. Совсем не в порядке. Все идет *не так*, как мне представлялось.

А представлялось так: бесшумная, как ягуар, я под прикрытием кустарника по-лисьи подкрадусь к дому, метнусь через кухню и за три минуты окажусь наверху. А еще через пять – снова внизу. Все пройдет чики-пуки.

А на деле: я сижу за розовым кустом в палисаднике, вдыхая запах мокрой земли и листьев и наблюдая за тем, как разодетые гости подходят к вышибале, который отмечает их в списке. К вышибале. Криста наняла *вышибалу*. Надо же так выпендриться! Такое я даже вообразить не могла. Все совсем не так, как я себе представляла. А другого геймплана у меня нет.

Я не паникую, по крайней мере, пока. Но чувствую себя слегка на взводе. И все еще посылаю проклятия на голову того, кто вырубил весь кустарник и *на корню поломал мой план*.

А как хорошо все начиналось. Никем не замеченная, я приехала в Натворт на поезде, обогнула деревню окольной дорогой и воспользовалась проулком, предназначенным для тракторов. Да, я планировала заступить на чужую территорию, но это касалось только сельхозугодий, принадлежавших нашему соседу Джону Стэнтону. Он старичок и добряк, и я

инстинктивно чувствовала, что возражать он не будет. Иногда такие вещи о близких знаешь на подсознательном уровне.

Перелезая через ограду, я слегка порвала легинсы о колючую проволоку, но заморачиваться не стала. Я резво шагала краем соседского поля, лавируя среди коровьих лепешек, и наконец достигла границы нашей земли, откуда уже просматривалась башенка «Зеленых дубов». Я перелезла через ограду на наше поле и машинально бросила взгляд в сторону дома на дереве.

И тут я испытала щемящее чувство. Мне ужасно захотелось снова очутиться там. Лечь на гладкие деревянные доски, неотрывно смотреть на небо сквозь открытые окна и просто... вспоминать.

Но я предпочла его игнорировать. Если прислушиваться к каждому щемящему чувству, далеко в этой жизни не продвинешься.

Поэтому я, пригнувшись и игнорируя любопытствующие взгляды овец, двинулась вдоль ограды к тисовой изгороди, откуда начинается сад. К этому моменту я уже была в тонусе. Полна энергии. Готова стремительно и легко, как в детстве, продрасться сквозь кусты.

И тут, подняв голову над тисовой изгородью, я испытала шок. Кусты вырубili. Вырубili! Задняя часть «Зеленых дубов» была выставлена на обозрение, перед ней разбили патио, на котором стояла блестящая костровая чаша. Выгляде-

ло все это голо, неудобно и просто... неправильно.

Меня охватило такое отчаяние, что на глазах выступили слезы. В детстве я обожала играть в этих кустах и нежно любила их древесные, торфяные, лиственные объятия. Они были как добрые, древние члены семьи, готовые дать укрытие при первой необходимости. А сейчас их жестоко вырезали... Кто? Папа? Криста?

И более насущное: где мне теперь, скажите на милость, прятаться? Не в новом же пустынном патио, в самом деле?

Дальше пошло еще хуже. Когда я схоронилась за буковым деревом, из кухни вышли двое. По виду – работники кейтеринга. Один бросил пару пустых бутылок в пластиковую ванночку, другой закурил и привалился к стене. И тут до меня со всей ясностью дошло, что патио использовалось как служебная зона. Они постоянно будут курсировать взад-вперед и засекут меня на раз-два.

Я влипла. По самые уши.

Несколько минут я просто напряженно соображала. С того места, где я стояла, в западной стороне дома просматривалось белое полотнище. Это, вероятно, шатер или навес над столовой. Там проходит вечеринка. И туда мне путь закрыт.

Поэтому я пробралась в сад с другой стороны дома, замирая всякий раз при появлении очередного кейтериста и стараясь слиться с листвой, едва дыша и прикидывая: *может, в окошко влезть?* Но я уже понимала, что это безнадежная затея. В восточной стороне окон почти нет. Это глухая стена,

сплошной замшелый камень и кладовки, которыми никто не пользуется.

Продвигаясь вперед медленно, бесшумно и припадая к земле, я наконец достигла подъездной дорожки. И тут меня ждал удар по нервам, потому что там были гости. Настоящие гости. Люди, которых я знала, хрустя гравием, двигались к дому, держа в руках небольшие презенты или букеты. Вдалеке виднелся распорядитель в сигнальном жилете, направлявший машины на парковку в поле. Все было гораздо более официально, чем мне представлялось. Более организовано.

Короткими перебежками и запыхавшись, я переместилась от живой изгороди из граба к декоративной скамье, а оттуда ползком добралась до бордюра из роз, примерно в пяти метрах от дома, где с той поры и обретаюсь. Прячусь за розовым кустом и стараюсь придумать план.

Отсюда слышен гул голосов и грохот музыки, звучащей в стереосистеме. Иногда долетают взрывы смеха. Судя по всему, народ *чудесно* проводит время на *чудесной* вечеринке Кристи.

Между тем ноги у меня начинают затекать, и я, осторожно меняя позу, цепляюсь за шип и морщусь. Две дамы в блестящих платьях движутся по дорожке к входу. Я их не узнаю, наверное, это подружки Кристи. Они называют себя вышибале – он сверяется со списком, затем что-то бормочет в гарнитуру – у него есть *гарнитура* – и наконец выпускает их.

Кем, я вас спрашиваю, Криста себя воображает? Викто-

рией Бекхэм?

Я негодующе смотрю на вышибалу с планшетом – у него широкие плечи и твердый взгляд. Не будь его, я бы запросто промышгнула в дом вместе с гостями.

Как бы его отвлечь?

В боевике на этот случай у меня была бы ручная граната, которую нужно незаметно подкинуть. Следует взрыв, вышибала выхватывает оружие и бросается вперед, а когда оборачивается, я уже скрываюсь внутри. Отсюда понятно, что мне нужна ручная граната. Но только без взрыва. Пожалуй, мне следует воззвать к высшей силе.

Господи, прошу тебя, пошли мне что-то вроде ручной гранаты...

И тут же в поле моего зрения появляется полная противоположность ручной гранате. Мягчайшее, нежнейшее, самое невзрывоопасное существо в мире – Бин.

Она не в праздничном наряде – в джинсах, футболке и уггах – и, пытая от усилий, тащит что-то каменное и явно тяжелое. Когда она бросает ношу на землю и вытирает лоб, я понимаю, что это птичья купальня из огороженного сада. Бин достает из кармана телефон, тычет в него, и мгновение спустя у меня гудит сообщение. Твою ж мать, это она мне пишет!

Я нервно дергаюсь и смотрю на Бин сквозь переплетение розовых стеблей – вдруг она услышала недвусмысленное гудение моего телефона. Но гомон вечеринки, очевидно, за-

глушает звуки. Теперь нужно решить, отвечать ли ей.

Зачем я ей вообще понадобилась? У нее же сейчас в планах супер-пупер-вечеринка, вот и шла бы туда!

Но вдруг это какая-то сплетня или важная новость? Нет, игнорировать нельзя. С отчасти сюрреалистичным чувством я нажимаю на сообщение и читаю:

Привет, Эффи. Я в «Зеленых дубах». Просто знай, что я хочу забрать птичью купальню. Жаль, что тебя тут нет. Тебе взять что-нибудь из сада? Горшок или еще что? Типа терракотового с травами? Вдруг однажды пригодится. Чмок.

Часть меня считает, что лучше промолчать. Но с другой стороны, не хочется, чтобы Бин переживала из-за того, что я не забрала паршивый терракотовый горшок и до конца своих дней буду об этом жалеть. Поэтому я быстро набираю в ответ:

Не, пасибки, у меня горшков навалом. Веселись. Чмоки.

– Добрый вечер! – слышится веселый гулкий голос, и сквозь заросли роз я вижу, как по дорожке к дому идут Мартины – приходской священник с супругой. Они приветствуют Бин – она подскакивает и жутко краснеет, а я в своем укрытии ухмыляюсь. После инцидента со скульптурой «Йога» смотреть в глаза Мартинам мы не в состоянии.

В прошлом году они пригласили к себе пропустить по стаканчику, и мы с Бин украдкой высматривали ее *повсюду*, но

никаких следов не нашли. Даже в комнате Джейн, где причесывались. Поэтому мы сошлись на том, что у них есть тайная секс-комната, и заржали как ненормальные, а когда к нам подошла Джейн в милом платье в цветочек и весело спросила: «А в чем хохма?» – мы вообще чуть не *сдохли* от хохота.

– Привет! – говорит теперь Бин слегка взволнованным голосом и показывает на джинсы и угги: – Не обращайтесь внимания, я еще не переоделась для вечера.

– Ты всегда прекрасно выглядишь, – любезно говорит Джейн, целуя ее. – Эффи придет?

– Не думаю, – после паузы отвечает Бин. – У нее не получилось. Но все остальные будут.

– Важный вечер для всех вас, – замечает Эндрю, оглядываясь по сторонам. – Вы столько здесь прожили. Тяжело прощаться с таким домом.

– Да, – говорит Бин, чьи щеки розовеют еще больше. – Довольно тяжело. Но... вместе с тем, я вам скажу, это хорошо. Во многих отношениях.

Следует небольшая пауза – судя по всему, никто не знает, что сказать. Мартини – люди тактичные, не из тех, кто занимает чью-то сторону, злословит или говорит «Что подружка твоего отца сотворила с вашей прекрасной кухней?», как сказала Ирэн из паба.

– Ну, еще увидимся! – говорит Джейн. – Боже мой, швейцар! – добавляет она, подмигивая вышибале. – Как солидно! Мартини называют себя вышибале и проходят в дом, а я

продолжаю наблюдать за Бин. По логике дела, ей бы спешить на вечеринку, но она, похоже, не торопится. Лицо у нее кривится, словно от беспокойной мысли, затем она откидывает волосы со лба и снова принимается стучать по экрану. Мгновение спустя у меня гудит телефон.

Ты в порядке?? Не хандришь, сидя в одиночестве в квартире, нет? Мими сказала, ты хотела с ней поужинать, но она не смогла. Знаю, она надеялась, ты передумаешь насчет сегодняшнего вечера. Надеюсь, ты окей. Чмоки-чмоки.

Читать ее слова и трогательно, и обидно. Вот, значит, как все меня воспринимают? Как трагическую одинокую фигуру? Я не хандрю, сидя в одиночестве в квартире. Я сижу *за розовым кустом*. Я почти готова донести этот факт до Бин. Но тут у меня возникает идея получше. Я быстро набираю новое сообщение.

Вообще-то у меня свидание. Так что не переживай.

Я нажимаю «Отправить» и вдогонку делаю досыл:

Можешь сказать об этом на вечеринке. Кристе. Или Джо, если его увидишь. Скажи им, что у меня свидание.

Из-за куста я вижу лицо Бин. Она так искренне радуется этой новости, что я испытываю новый прилив сестринской любви. Бин что-то торопливо набирает, и через мгновение я читаю:

Свидание! Это потрясающе. Ты не говорила. А

поподробнее?

Поподробнее. Ну давай, Эффи, выкладывай подробности. Я начинаю печатать, не коря себя за вранье, потому что все это я делаю с единственной целью – чтобы сестра была спокойна. Она будет с большей охотой оттягиваться на вечеринке, зная, что у меня классное свидание.

Да просто бомба! Познакомились сегодня, на мероприятии, где я была официанткой. Он заказал лимонный сорбет, и все закрутилось. Он спортсмен-олимпиец.

Я нажимаю «Отправить», а сама думаю, не слишком ли я загнула со «спортсменом-олимпийцем»? Реакция Бин подтверждает мои опасения.

ЧТО?? В каком спорте?

Упс, в олимпийских видах спорта я ни бум-бум. Прыжки? Метание? Лучше спустить на тормозах.

Он больше не выступает. Теперь бизнесмен. И филантроп.

Я собираюсь добавить подробности о его яхте, но тут Бин восклицает: «Джо!» – и я роняю телефон, после чего принимаюсь шарить в кустах.

О боже. Он здесь.

То есть я знала, что он может прийти. Вероятно. Но никак не ожидала...

Ладно, Эффи, дыши. *Дыши*. Все в порядке. Он меня не

видит. Он не будет смотреть в эту сторону. И в каком-то смысле интересно понаблюдать за ним вот так, нейтрально, издалека, теперь, когда он стал знаменитостью.

Когда он появляется в поле зрения, я против своей воли принимаюсь жадно разглядывать его сквозь розовые стебли. Волосы чуть длиннее, чем при нашей последней встрече. Глаза кажутся чуть более усталыми. Но улыбка такая же интригующая.

У Джо всегда была особенная улыбка. Она не просто выражала радость, в ней таилась насмешка, и мудрость, и печальное удивление перед жизнью.

Хотя сегодня он выглядит более насмешливым и менее удивленным. Темные волосы зачесаны назад, а лицо кажется худее, отчего скулы выступают резче. Нужно отдать ему должное, смокинг сидит на нем очень элегантно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.